

КСЕНИЯ ХАН

ДРАКОН
В СВЕТЕ ЛУНЫ

Охотники за мирами

Ксения Хан

Дракон в свете луны

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Хан К.

Дракон в свете луны / К. Хан — «Эксмо», 2021 — (Охотники за мирами)

ISBN 978-5-04-174021-4

Сон Йонг — обычная девушка, встречается с коллегой-красавчиком и планирует счастливое будущее. Однако простая прогулка по парку приводит ее в Чосон XVI века, где живы мифические чудовища и проводятся магические ритуалы, а в небе летает настоящий дракон. Йонг пытается выстоять, но этот Чосон отличается от того, о котором написано в учебниках. Чтобы вернуться домой, Сон Йонг придется разобраться в себе, в измененной истории не-Чосона и в судьбе загадочного капитана драконьего войска. Первая книга цикла «Дракон и Тигр». «Дракон в свете луны» — редкий представитель поджанра романа-дорамы. На страницах этой истории оживают не только мифологические создания, но и сам быт Кореи XVI века, детально и бережно воссозданный автором. Читателю поможет погрузиться в атмосферу происходящего рубрика «Термины и понятия», которая расположена в конце книги. Ксения Хан изобрела собственный «драконий язык», словарь которого отдельно приведен в книге. Его знание иначе раскрывает одну из финальных и ярчайших сцен истории. Эпическое полотно рассказывает о судьбе молодой девушки, ставшей винтиком в механизме противостояния корейских и японских войск, в хитросплетениях интриг тех, кому она доверяла. Но сильных духом не сломить, и надежда все еще бьется в сердцах солдат драконьего войска — пока в сердце их капитана медленно расцветает любовь.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-174021-4

© Хан К., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Отсутствие предела	7
Чёрная дыра	10
Великий предел	10
1	10
2	17
3	26
4	33
5	42
6	49
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Ксения Хан

Дракон в свете луны

© Ксения Хан, текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

Посвящается корейской половине моей семьи и маме, которая сказала, что писать посвящения мне ещё рано.

Происходящее в драме частично основано на исторических событиях Корейского полуострова времён XVI века, но персонажи, инциденты и упомянутые факты не соответствуют правде. Все совпадения с реально существующими людьми случайны.

Отсутствие предела

Остров Цусима, 1580 год,

год Металлического Дракона

Делегация из Чосона – мастер Вонгсун, два его ученика и небольшой отряд – прибыла в храм Белого Тигра одновременно с японцами. Генерал Тоётоми, его сын и пехотинцы-асигару ждали у западного склона горы. Мастер Вонгсун поклонился, его ученики, весело переглянувшись, тоже согнулись в приветственном поклоне. Генерал удостоил их лёгким кивком головы.

Японский отряд поднимался по горной тропе первым, мастер Вонгсун и его ученики шли позади.

– У него такие начищенные доспехи, – шептал старший ученик мастера, глядя в спину генеральского сына, – хорошая из него мишень получится в солнечный день.

Младший ученик усмехнулся и возразил:

– Он вряд ли выезжает из арьергарда на передовую.

– Тогда ему и доспехи ни к чему...

– Что я вам говорил, – прервал ехидные шутки своих подопечных мастер Вонгсун, – проявите уважение. Сын генерала прибыл сюда не для вашего зубоскальства.

– А чтобы хоть кому-то показаться в новых доспехах, – хохотнул старший ученик. Младший засмеялся, толкнул его в бок на повороте тропы. Сопровождающие их воины сделали вид, что ничего не замечают.

Храм Белого Тигра ждал обе делегации, распахнув истёртые временем двери. На пороге стояла, смиренно ожидая приближения гостей, Лан, молоденькая с виду дочь шаманки. Она поклонилась генералу и мастеру и тихо сказала:

– Она ожидает вас. Всё готово.

Генерал и мастер зашли в храм друг за другом, ученики мастера шли следом и продолжали шептаться, и их тихие голоса теперь, вместе с заплутавшим ветром, уносились ввысь, под старые своды храмовых стен и крыши, и застревали там в пыльной паутине:

– Зачем в этот раз японцы прислали целого генерала? Ещё и сына притащил!

– А нас зачем позвали, ты, глупый?

– Один из нас преемник мастера, а второй будет его Хранителем, нас наставления Кэмеко больше всех касаются!

– Это ещё не решено наверняка.

– Много ты понимаешь. Ты младше меня, вот и не знаешь ничего.

Они приблизились к помосту, на котором восседала шаманка Кэмеко – седовласая старуха с изрезанным морщинами лицом, под которыми скрывались старые шрамы от когтей лисицы. Прежде жители острова считали, что она кицунэ¹. Кэмеко не спускалась с горы уже более двадцати лет, а лисиц в лесах Цусимы не видели ещё дольше, и слухи со временем переплелись с местными сказками.

Окружённая ворохом белых одежд Кэмеко сидела с абсолютно прямой спиной и смотрела на прибывших за её советами отстранённым взглядом: один глаз у неё был затянут бельмом; вторым, серым, она смотрела только вперёд, и было не совсем понятно, видит ли шаманка своих гостей или только прислушивается к их осторожным шагам.

Генерал Тоётоми и мастер Вонгсун сели перед шаманкой на колени и низко поклонились. Сын генерала и ученики мастера остались стоять поодаль, за вторым кольцом деревянных колонн, окружающих главный помост. Младший ученик рассматривал посеревшие от времени изображения белого тигра на стенах храма, старший ковырял носком сандалии дыру в истлевшей половине.

– В прошлый визит ты был старше, – выдала вдруг шаманка хриплым голосом, глотая звуки. Было непонятно, к кому она обращается: голову старуха не поворачивала ни в одну сторону, руки держала на коленях, и дрожащие пальцы указывали в пол.

– Десять лет назад вас навещал Асано-сан, мой тесть, – склонился с ответом генерал Тоётоми.

– А с тобой был сын, – сказала шаманка, на этот раз мастеру Вонгсуну. Мастер прижал ладони ко лбу и тоже поклонился.

– Это был мой старший ученик, Кэмеко-сан. Не сын. Но он и сегодня со мной.

– Не с тобой он, – возразила старуха, понизив голос. – Вижу, он покинул тебя.

Ученики не понимали японского и не знали, что встревожило их мастера – только по дрогнувшей спине поняли, что беседа с шаманкой идёт не так, как мастер Вонгсун предполагал.

– А твой сын по чужой земле ходит, – продолжала Кэмеко, теперь обращаясь к генералу. – Ест и сытым не становится.

¹ В японском и китайском фольклорах демоническая лисица-оборотень, способная принимать облик человека. По преданиям, эти существа отличаются мудростью, длинной жизнью (иногда измеряемой в сотнях лет) и различными магическими способностями.

Генерал Тоётоми не изменился в лице, но рядом стоящие асигару заметили, как заходили желваки у него под кожей. Ученики мастера переглянулись, пожали плечами, и младший не сразу расслышал скрипучий голос старухи Кэмеко:

– Всех время рассудит... И металлический дракон.

Мастер Вонгсун и генерал одновременно вскинули головы и посмотрели на неподвижную шаманку.

– Металлического дракона не видели сотни лет, Кэмеко-сан, – напомнил Тоётоми. Его сын, стоящий вдалеке от помоста на одном уровне с учениками мастера, сделал шаг вперёд, но ему преградила путь дочь шаманки.

Седьмой раз приглашала Кэмеко гостей в свой храм огласить пророчество на грядущее десятилетие – и ни разу за всё это время никто не осмеливался прерывать её речи. Генеральский сын не станет исключением и сегодня.

– Вижу, война грядёт, – прохрипела старуха надрывно. – Судьба мира ляжет на плечи наших детей. Тяжёлое будет время. Бездна следит за нами. Закрыты глаза её, но поднимет она свои веки.

Генерал сердито вздохнул, мастер Вонгсун принял тяжёлые слова со смирением.

Кэмеко вдруг хрипло втянула ртом воздух; завыл внезапно прорвавшийся в храм ветер, просвистел мимо учеников мастера и мимо генеральского сына, взвился вдоль колонн под крышу. В визгливых порывах гости шаманки услышали её последние слова:

– И явится из чёрной Бездны металлический дракон, и выберет путь – его выбор предрешит исход войны.

Чёрная дыра

Великий предел

1

Пусан, Южная Корея, 2024 год,

год Деревянного Дракона

Проклятье!

Мысленного ругательства было мало – Сон Йонг пнула ножку стола и тут же об этом пожалела: ноутбук задребезжал по неровной поверхности, стакан с кофе опасно качнулся, грозя опрокинуться и затопить приторно-сладким латте и без того поганые результаты её вычислений. Она схватилась за стаканчик, продолжая ругать равнодушные цифры на мониторе компьютера.

От неё требовалось только пересчитать данные и сообщить руководителю Паку, что он всё сделал правильно, – от этого зависел успех презентации её отдела в завтрашнем демонстрационном дне, когда весь институт представляет свои проекты на следующий год. А теперь Йонг смотрела на цифры в таблице и не могла понять, где допустила ошибку.

Пожалуйста, пусть всё работает как надо, пусть это только глюк системы! Йонг запустила данные в обработку в третий раз – компьютер подвис на мгновение и выдал ей не красивую кривую в графике изменения аккреационного диска чёрной дыры, а восемь ломаных линий, больше похожих на лапы паука, чем на что-то вменяемое.

Проклятье, чтоб её!

Руководитель Пак вернётся с собрания в шесть вечера, сейчас на часах только половина четвёртого. Если Йонг забудет на обед, то успеет перепроверить всё ещё раз... И пусть боги помогут ей с этим.

– Говорят, к нам переводят новичка из вышестоящего отдела, – бодро заявила Юна со своего места.

– Я слышал, он ничего не умеет делать, потому его и переводят, – отбрил Тэгён, не отрываясь от компьютера. Он строил из себя трудоголика, но всем было известно, что он главный лентяй в офисе: руководитель Пак два раза в этом месяце ловил его за игрой в какие-то китайские аркады. Тэгёну всё сходило с рук, потому что он оба раза умело подлизывался к начальству. Скользкий везучий тип.

– Сон Йонг, Ким Рэвон-щи² ничего про это не знает?

– А?

Юна выкатилась на стуле в проход и нашла взглядом сторбленную спину подруги, сидящую через три пустующих стола от неё.

– Сонбэ³ ничего про новичка не знает? Его переводят из отдела М-87. Я слышала, он там не прижился, хотя умненький.

– Не слышала, – отмахнулась Йонг, – прости, Юна, у меня тут...

Новая проверка опять выдала какую-то ересь. Йонг с досады ударила кулаком по столу; тот загромычал вместе с ноутбуком, сваленными в кучу блокнотами и пустыми стаканчиками из-под кофе, Тэгён испуганно ойкнул и вскочил с места.

– Сон Йонг! Скажи руководителю, что отчёт верный, его всё равно перепроверять не будут. Разберёшься после демо-дня.

– Не могу, – сердито ответила Йонг. – После демо-дня все презентации уйдут в М-87, я не хочу, чтобы они получили от меня чушь вместо адекватных данных.

² Частица для формального уважительного обращения в корейском этикете, аналогично старому «госпожа-господин» или «миссис-мистер».

³ Обращение младшего коллеги к старшему по корейскому этикету.

– Ну, там тебя твой жених прикроет, – съехидничал Тэгён. Йонг посмотрела на него поверх перегородки между их столами и чуть не плюнула в его сторону.

– Он мне не жених, – едва слышно процедила Йонг.

– Ну, будешь так волосы на себе рвать, он им и не станет, – согласился Тэгён без задней мысли. Йонг взглянула на него с недоумением, и он кивнул: – У тебя на голове уже не причёска, а гнездо. Много нервничаешь, Сон Йонг, а отчёт даже не твой. Брось его и иди на свиданку со своим любимым сонбэ, чего зря переживать.

Слабенький голосок внутри Йонг нашёптывал ей, что стоит согласиться с коллегой, оставить чужие ошибки и отправиться на особое свидание с Рэвоном, о котором она успела раз мечтаться – даже надела новые туфли, и они стёрли ей пятки до крови за те пару часов, которые Сон Йонг потратила на отчёт. В конце концов, уговаривал её голос, руководитель Пак не похвалит Йонг, если она вернёт ему отчёт с ошибкой, да ещё и сообщит об этом прямо перед демо-днем. И сонбэ будет ждать её...

Но это она будет завтра смотреть презентацию из общего зала и ждать вердикта от руководящего состава института, она будет нервничать и переживать, что закравшаяся ошибка повлияет на все дальнейшие вычисления... И это она выест себе печень, словно кумихо⁴, если не исправит всё сегодня.

Проклиная себя и помня, что Рэвон терпеливее и добрее, чем сама Йонг, она вернулась к вычислениям.

* * *

Рэвон ждал её в кафе на первом этаже: сидел у окна с подносом, на котором стоял стаканчик с кофе. Кафе уже не работало, в зале царил комфортный глазу полумрак – идеальная атмосфера для тихой беседы. Хотя Рэвон обещал провести этот вечер в более романтичном месте; оттого волновалась Йонг в три раза сильнее, чем на их первом свидании.

Она застыла в дверях, пригладила растрепавшиеся волосы и оглядела себя в мелькнувшем в изогнутой поверхности колонны отражении. Светлая блузка (это что, пятнышко от кофе на воротничке?), чуть мятые брюки... Но в целом Йонг выглядит прилично для той, кто провёл несчастные два часа, согнувшись над столом с отвратительным отчётом. Зато она нашла, что искала (вечно эта невнимательность!), и получила красивый график.

Она натянула на лицо чуть дрожащую улыбку и прошла до стола, где её поджидал Рэвон.

– Сонбэ, – тихо позвала Йонг. Тот обернулся; в тени, мазнувшей его по щекам, лицо Рэвона показалось ей серьёзнее обычного, словно заострившееся, осунувшееся и оттого непривычно холодное.

– О, Сон Йонг-щи! Всё хорошо?

Йонг коротко кивнула и села за столик.

– Прости, мне пришлось задержаться, я там... Неважно. Не хотела заставлять тебя ждать.

– Это ничего, Сон Йонг, – улыбнулся сонбэ и покраснел. Йонг прикусила щёку изнутри, чтобы не растечься смущённой лужицей по стулу. Это ведь очень ответственное свидание, верно? Рэвон не зря намекал всю неделю, что сегодняшней вечер запомнится ей надолго...

– Я-э... – Йонг заметила, как сонбэ стискивает руки в кулаки и тут же их разжимает. Явно нервничает: словно не знал, что Йонг, как маленькая, ждала подобного свидания с ним все полгода их стремительных отношений.

– Пойдём, Сон Йонг-щи. – Он улыбнулся и встал с места. – Я хотел бы отвезти тебя в особенное место, ты не против?

⁴ В корейской мифологии – лисица-оборотень. По преданиям, кумихо обращались в красивых девушек, соблазнили мужчин, а потом съедали их печень или сердце.

Йонг запнулась о ножки столика; сонбэ вовремя подставил ей руку и не дал упасть. Она же не придумала себе этот вечер? Сонбэ действительно готов задать ей *тот самый* вопрос!

Ким Рэвон перевёлся в их пусанский космический институт из столичного и сразу же стал звездой: говорили, в его отделе парня умнее не было, его доклады о поведении чёрных дыр заставляли всех остальных коллег в М87 кусать локти. Руководство гордилось им и негодовало, отчего он не приехал к ним раньше и зачем Сеул скрывал такой талант от Пусана. Йонг нравилось, что Ким Рэвон был неизменно вежлив со всеми, а ещё – что он осторожно улыбался всякий раз, как замечал на себе её взгляд во время обеда. Если бы Рэвон не пригласил её погулять через месяц после знакомства, Сон Йонг сама бы не выдержала и наведалась в офис М87 с шоколадом⁵ и неуклюжим признанием в любви.

– Твоя группа готовит доклад про аккреционные вспышки. – Рэвон придержал дверь, Йонг выскочила в прохладу вечера перед сонбэ и застыла, потирая одной ногой другую. – Что ты об этом думаешь?

– Прости?

Сонбэ улыбнулся и жестом пригласил Йонг пройти по аллее, ведущей к остановке при институте.

– Что находится по другую сторону чёрных дыр, Сон Йонг-щи? – внезапно спросил Рэвон.

– Я... – Йонг облизнула пересохшие губы. Он хочет обсудить с ней старую как мир тему? – Я считаю, внутри чёрной дыры мир наизнанку вывернут, но... Это просто фантазии, сонбэ.

Она осеклась, взглянула на Рэвона. Мама всегда говорила, что нельзя говорить всё, что она думает, это плохо сказывается на отношениях с людьми в обществе. Но в тени парковой зоны Йонг рассмотрела не смущение на лице сонбэ, а нездоровый блеск в его глазах, который наблюдала всякий раз, когда они заговаривали о работе. Преданный своему делу, почти фанатично исследующий чёрные дыры, Рэвон в этом был похож на Йонг и оттого нравился ей только сильнее.

Сонбэ подал Йонг руку, подходя к остановке. Она на всякий случай обернулась – не поджидают ли их любопытные коллеги, мечтающие разнести сплетни по всему институту, – и только тогда смущённо ухватилась за ладонь Рэвона.

– Всё ещё волнуешься, что о тебе будут говорить Юна-щи и Тэгён-щи? – улыбнулся Рэвон. Йонг дёрнула плечом, и он сжал её пальцы в своих, тёплых. Рваный шрам поперёк его ладони привычно царапнул влажную от волнения кожу.

– Немного. Они, ты ведь знаешь, они чересчур мнительные.

Рэвон тихо рассмеялся.

– Это ты мнительная, Йонг.

Пожалуй. Сон Йонг, как и в первые их свидания, чувствовала себя неуверенной и абсолютно не готовой к той волне любви и заботы, что на неё обрушилась с появлением парня. У неё было не так много опыта в отношениях – Рэвон был первым молодым человеком, из-за которого она позволила мечтать о продолжении длиною в жизнь, и эта новая, *жадная* Йонг пугала её.

Они сели в автобус на юг. Сон Йонг удивилась, но виду не показала, хотя всю дорогу, что Рэвон держал её за руку, дрожала от предстоящего разговора.

– Всё... в порядке? – осторожно спросил Рэвон. Йонг моргнула, словно очнулась от короткого сна, и несмело улыбнулась.

⁵ В Корею шоколад принято дарить в День всех влюблённых в качестве универсального подарка. Сладости на 14 февраля обычно преподносятся мужчинам.

– Да. Да. Переживаю за демо-день.

Рэвон кивнул.

– Всё будет в порядке. Ты сделала всё, что могла, и теперь будущее института зависит уже не от тебя.

– Почему? – сбилась с мысли Йонг. – В смысле, правда?

– Конечно. Волноваться следует только о себе, Йонг. Не думай про то, что решат другие.

Этим они отличались кардинально: Йонг не умела бояться только за себя, а вот Рэвон жил в убеждении, что собственное благополучие важнее всего остального. Должно быть, в который раз подумала Йонг, этому его научила сиротская жизнь. Рэвон воспитывался в приюте при каком-то монастыре имени кого-то важного и мудрого и рос без поддержки близких, а потому научился искать свой путь и идти по нему с уверенно поднятой головой. Мама Йонг заметила, что это хорошее качество, которое помогает ему в жизни. Сама она считала так же, но глубоко внутри испытывала жалость, перерастающую в желание стащить Рэвона с намеченной им дороги, чтобы показать мир. Это рвение она подавляла в себе все полгода, с самой первой их встречи.

– Я думаю, ты права, Сон Йонг-щи.

– Да?

– Да. За чёрными дырами мир, в каком-то смысле, действительно наизнанку...

Они вышли на остановке перед парком: тот переходил в сосновый лес, окольцовывающий промзону, и говорили, что в тёмное время суток здесь лучше не гулять в одиночестве. Но сонбэ вёл Йонг по освещённым асфальтированным дорожкам, вокруг слышался приятный вечерний шорох и шум машин на скоростной магистрали, проходящей позади памятника адмиралу Ли Сунсину.

Йонг замерла в тени бронзовой статуи высотой с Будду и потянулась за смартфоном.

– Тебе так нравится этот памятник? – улыбнулся Рэвон. Девушка смущённо повела плечом, фотография вышла смазанной.

– Он же национальный герой, сонбэ. Самый крутой в истории Чосона.

Рэвон поморщился, но Йонг этого не заметила.

– В истории Чосона было много героев куда важнее выдуманного флотоводца.

Йонг повернулась к сонбэ, не успев сделать повторный кадр.

– Он не... ах, ты пошутил. Прекрати, сонбэ. Ли Сунсин – настоящий герой, а ты вечно оспариваешь его существование. Его же не выдумали.

Они обошли фонтан, пересекли растущие ровным рядом клумбы и углубились в парк, где невысокие клёны сменялись липами. Йонг поёжилась от резкого порыва ветра, и сонбэ придержал её за спину. А потом протянул свой пиджак. Сон Йонг накинула его на плечи привычным уже движением, отменяя прочь зародившиеся было сомнения: они ведь достаточно долго встречались для того, чтобы теперь вот так смущаться проявления чувств, правда, Йонг?

Рэвон прошёл вдоль рядов неровно посаженных лип, перемежающихся соснами, и повернулся лицом к замявшейся на повороте тропы девушке. Неяркий свет тянувшихся вдоль аллеи фонарей отразился в его блестящих глазах.

– Твой отец сказал, у тебя в роду были японцы? – спросил вдруг сонбэ. У него был приятный голос, и Йонг нравилось его слушать – он задавал вопросы мягко, отвечал спокойно и всегда со знанием дела, никогда не перебивал, в отличие от того же Тэгёна.

Сейчас же вопрос прозвучал вкрадчиво, голос не к месту дрогнул. Обратила ли Йонг на это внимание? Нет, поглощённая атмосферой вечера, она подумала: «Вот оно!» – волнение перед главным вопросом, нарастающее напряжение и покалывание в кончиках пальцев, словно сам воздух электризовался, готовя её к ответу.

Позже, вспоминая этот роковой день, Йонг так и не смогла понять, почему посчитала намёки сонбэ тем, чем они не являлись. Он казался ей до ужаса привлекательным со своим подчёркнутым вниманием, приятным голосом, хорошими манерами и милой улыбкой.

– Папа успел прочитать тебе целую лекцию, да? – Сонбэ пожал плечами, одно дёрнулось выше второго; Йонг тщетно пыталась согнать с лица широкий мазок смущения.

Сон Йонг познакомила его с родителями, те встретили Рэвона тепло и радостно, как будто уже приняли в семью и... Как могла она тогда думать о катастрофе, если всё шло к счастливому финалу?

– Папа родом из Пусана, его предки жили ещё при Тоннэ⁶ в пятнадцатом веке, – медленно заговорила Йонг. Она подошла к сонбэ – тот ждал её, замерев в тени высокой сосны, и протянул руку, за которую Йонг радостно ухватилась. – У папы старый род, но он говорит, в его родословной были японцы. Кажется, это из-за Имджинской войны.

– А семья мамы? – спросил Рэвон, чей голос теперь звучал совсем глухо. Йонг чувствовала, как тепло его пальцев передаётся её ладони, как приятно покалывает кожу небольшой шероховатый шрам, пересекающий его руку. Она шла вслед за сонбэ, чувствуя, как её неуёмное сердце взбирается вверх по горлу.

– Мама тоже... – Йонг запнулась за корень дерева, Рэвон придержал её и сильнее сжал пальцы. – А почему... почему спрашиваешь, сонбэ?

Рэвон повернулся к Йонг.

– Родословная важна, если не хочешь допустить ошибку, – сказал он, отчего-то посмотрев в небо.

Йонг невольно потянулась следом за его взглядом и увидела Бай Ху, созвездие Белого Тигра, пробивающееся сквозь густую хвою.

– Красиво сегодня, – выдохнула она, но сонбэ вдруг остановился.

– У моей семьи тоже длинная история, – почти нараспев произнёс он, будто и не слышал неприкрытого ожидания в голосе Йонг. – Отца я не знал, а мать... что ж, – Рэвон замялся и договорил после заметной паузы: – Говорят, она была одной из многочисленных корейских наложниц Хидэёси.

Прежде сонбэ говорил, что не знал семью. Выходит, сегодня он доверился Йонг настолько, что готов был поведать даже самые малые крупинки воспоминаний из своего детства... Воодушевлённая этой победой, Йонг почувствовала, как её заполошное сердце пропустило пару ударов.

– Яп-японского полководца? – с голосом справиться не удалось – он зазвенел в тишине парковой зоны и затерялся где-то в густой листве окружающих деревьев. – Того самого, который напал на Корею в шестнадцатом веке?

Сонбэ и раньше говорил о далёком прошлом, словно сам жил во времена средневековых войн, но сегодня его слова почти не казались Йонг шуткой. Она отмахнулась от этих настойчивых мыслей и постаралась ни о чём не думать, кроме своего волнения.

– А ты знаешь историю, *хубэ*⁷! – восхитился Рэвон. И добавил неожиданно строгим тоном: – Даймё⁸ предлагал им мирное решение проблемы.

Йонг зависла в этом моменте и на секунду выпала из разговора. Сначала правда о родителях, потом это... Он никогда не называл её *хубэ*, каждый раз смеялся, когда она обращалась к нему как к старшему, говорил, что это ей следовало считаться сонбэ, раз она работала в

⁶ Название города, от которого Пусан отделился в 1910 году и стал независимым городом.

⁷ Обращение старшего коллеги к младшему по корейскому этикету.

⁸ Крупнейшие военные феодалы средневековой Японии. Если считать, что класс самураев был элитой японского общества X–XIX веков, то даймё – элита среди самураев.

пусанском космическом институте дольше него. Он никогда не рассказывал о себе так много... до этого вечера.

– Знаю... неплохо, – с заминкой и видимым усилием ответила Йонг. Если теперь он будет с ней откровенным, значит, этот вечер она себе не выдумала, верно?...

– Я думал, тебя привлекает космос, но родительское воспитание и в этом мире играет большую роль, – тихо произнёс сонбэ. – Впрочем, твой отец почти убедил меня, что это японцы завезли в Чосон перец.

Он привёл Йонг к скале, подъём на которую открывал вид на весь Пусан и порт, и жестом пригласил следовать за ним вверх. Сон Йонг растеряла последние мысли, в голове набатом стучало только «наконец-то!», словно она ждала этого не каких-то полгода, а всю свою жизнь.

– Хорошо, что ты не стал спорить с мамой, она потащила бы тебя на свою экскурсию в музей... Ты хочешь показать мне город?

Рэвон не ответил, и Йонг прикусила язык. Не стоит сбивать своего парня с намеченного курса, ведь сейчас от неё ничего не зависит. Но сонбэ молчал всю дорогу до обзорной точки, и пока Йонг пыхтела, неуклюже взбираясь на шпильках по крутым каменным ступенькам, не проронил ни слова.

Нагорье распласталось перед вспотевшей Йонг на десяток метров, теперь она смотрела вниз на родной город, сверкающий вечерними прожекторами телевизионной башни, портовыми огнями и яркими жёлтыми окнами в жилых домах района Йондо.

– Никогда не привыкну к этому виду. А ты, сонбэ? *Рэвон-сонбэ?*

Он изменился в одно мгновение – или за то время, что вёл Йонг сюда, а она попросту не заметила, – и теперь выглядел... по-другому. Серьёзным, вовсе не таким, каким она его знала.

– Пойдём со мной, Сон Йонг.

Оказалось, их путь не оканчивался у панорамы Пусана. Йонг неуверенно взяла протянутую руку сонбэ и молча пошла за ним в черноту соснового леса, раскинувшего свои хвойные лапы по горе от подножия до самой вершины. Рэвон больше не смотрел на Йонг, он шёл вперёд, вскинув голову, надменно, холодно, и тот блеск, который она заметила у него во взгляде сегодняшним вечером, теперь не казался наваждением – он был реальным, он вызывал дрожь в теле, и отнюдь не приятную.

– Ким Рэвон-щи? – голос Йонг сел на первом же слоге, она осеклась и засипела, пока сонбэ сжимал её руку и вёл куда-то в самую гущу леса.

– Ты же родилась в год дракона, Сон Йонг?

Вопрос распорол накрывающую этот вечер тишину окончательно, и та лопнула, как пузырь.

– *Чего?* – выплюнула от удивления Йонг. Замялась спустя мгновение, но опустила даже извинения за свой неподобающий тон. – В смысле, да. А что?

Йонг теряла терпение, как этот вечер – своё очарование.

– Я покажу тебе кое-что, *Сон Йонг-щи*, – сказал сонбэ и замер у высоких кустарников колючего можжевельника. Йонг попыталась затормозить, но споткнулась – чёртовы туфли! – и упала вперёд на Рэвона.

Стало вдруг холодно; сонбэ притянул её к себе – и Йонг резко выдохнула, тут же замечая, как воздух из лёгких превращается в пар. Листья кустарника заблестели в неровном голубом свете, словно по ту сторону находилась дорога, и мимо них проезжали редкие автомобили со светящимися фарами.

– Сонбэ? – прошептала Йонг. – Мне что-то не очень хочется здесь находиться...

Она поняла, что прогулка завела их в ту самую часть леса, о которой ходили нелепые слухи – будто здесь пропадали люди, а случайные прохожие видели что-то странное: города в тумане, людей в тёмных одеждах...

– Не волнуйся, Сон Йонг. *Я буду рядом с тобой.*

Рэвон посмотрел на неё и улыбнулся, и эта улыбка уже не сулила Йонг ничего хорошего, в этом она была уверена.

– Мы говорили про чёрные дыры, хубэ, – сказал Рэвон. – Хочешь посмотреть на одну из них?

Он держал Йонг за локоть и не давал отойти ни на шаг, хотя она уже вырывалась из его хватки, а свободной рукой отодвигал заросли кустарника. В лицо Йонг ударил ледяной ветер, таинственный свет лился под ноги, но это была не дорога с машинами.

Это была воронка из пустоты, которая заворачивалась внутрь себя прямо в воздухе. Искрились стволы стоящих плотным рядом деревьев, им из *ничего* отзывался гул.

Йонг смотрела на воронку не мигая, не сходя с места, даже на таком расстоянии чувствуя, что её тело тянет в самый центр.

– Ты считала, Сон Йонг, – вкрадчиво заговорил сонбэ, – что по другую сторону чёрной дыры весь мир вывернут наизнанку. Хочешь это проверить?

Йонг перевела стеклянный взгляд на Рэвона. Медленно помотала головой. Снова попыталась вырваться из неожиданно крепкой хватки всегда вежливого, уравновешенного сонбэ. Его пиджак свалился Йонг под ноги.

– Н-не хочу, – просипела девушка сквозь подступающие к горлу слёзы. – Не хочу,пусти, сонбэ. Отпусти!

– Сперва помоги мне, Сон Йонг, – произнёс Ким Рэвон упрямо. – Ты моя последняя надежда.

А потом упал в воронку, увлекая Йонг за собой.

Оказалось, что чёрные дыры в их Солнечной системе были ближе к Земле, чем полагали Тэгён и остальные. Но радости Йонг это знание не добавило.

2

Считалось, что при попадании в чёрную дыру человека должно сжать с одной стороны и растянуть с другой. Известная задача ставила вопрос: что случится раньше – оторвёт упавшему голову или расплющит тело? Ответ учёных был – вначале оторвёт голову, а потом сотрёт тело.

Но, вопреки всем предположениям и гипотезам, тело Йонг не расплющило, и голова её осталась на месте: она зажмурилась, когда падала внутрь воронки, и открыла глаза, почувствовав лёгкое дуновение ветра, холодного ветра на своих щеках.

Ощущение казалось неправильным, даже с учётом всех происходящих событий. Она обнаружила себя посреди крошечной неоднородной темноты, воздух пах хвоей, в лицо Сон Йонг летели пыль и бархатистые листья – один мазнул по щеке и застрял в туго заплетённой косе.

– На другой стороне чёрных дыр, Сон Йонг... – заговорил сонбэ, о котором она на мгновение даже забыла, совершенно ошарашенная тем, что чувствует, – не время течёт иначе. А весь мир.

Йонг с трудом высмотрела в сумраке – то была не темнота, а глубокая ночь – силуэт Рэвона, стоящего посреди густо растущих сосен, из-за которых проглядывали неясные огни. Зажмурилась, заморгала, чтобы прогнать странное и нелепое до крайности видение, но он никуда не исчез.

Рэвон стоял в сосновом лесу в своём обычном костюме, смотрел на неё и вёл себя так, словно вообще ничего не случилось. У Йонг закружилась голова, она попыталась осмыслить происходящее, цепляясь за ту рациональную часть себя, которая всегда её выручала, даже в самых отвратительных ситуациях.

– Где... где мы? – прохрипела Йонг первый вопрос, вспыхнувший во всё ещё дрожащем сознании. Скучный полдник из сладкой рисовой булочки и бананового йогурта запросился обратно, Йонг закашлялась и согнулась к земле, стараясь унять спазмы.

– По другую сторону сингулярности? – непривычно жёстко усмехнулся сонбэ. – В параллельной вселенной? В исторически важной точке времени и пространства? Называй как хочешь. Я скажу так: *мы в моём мире*.

Зрение привыкало к темноте и теперь различало некоторые детали. Сухие сосновые иголки ровным слоем покрывали каменистую почву; Йонг провела по ним носком туфли, расчищая проглядывающую землю, и тут же ударилась в набирающую обороты панику: всё ощущалось настоящим. Не надуманным её подсознанием или навеянным сном – она знала, что во сне не могло быть таких резких порывов ветра и такого холодного воздуха, а ещё во сне всё вокруг, пусть и подёрнутое полумраком, не могло быть настолько реалистичным.

– *Кегурё*...⁹ – невольно выдохнула она, всё ещё слабо соображая. Слова сонбэ звучали как бред, фантастическая шутка.

– Не Когурё, – поправил её Рэвон и шагнул в сторону, открывая ошарашенной Йонг вид с пригорка, на котором они стояли. Только теперь она поняла, что внизу светят не порттовые прожекторы. За стволами деревьев мерцали на приличном от них расстоянии редкие оранжевые огни размером со спичечную головку, неровно дрожали в темноте и вылавливали из неё углы деревянных построек, берег водоёма – море, то было море, кажется! – и качающиеся на его волнах лодочки. Крохотные, похожие на щепки в тёмной луже.

– Не Когурё, – повторил сонбэ, пока Йонг собирала в кучу последние живые клетки мозга. – Ты бы назвала это *Чосон*.

– Понимаю, ты не этого ожидала, – сказал Рэвон. Пугающая ухмылка стёрлась с его лица, но легче не стало.

– Не *этого*? – почти задохнулась Йонг. – Я... Я даже не знаю, что *это* такое, и ты... – она попыталась облечь в слова весь свой шок и растерянность, и страх, уже стискивающий сердце в колючих пальцах, но смогла только втянуть ртом почти ледяной влажный воздух.

– Я прошу твоей помощи, Сон Йонг, – неожиданно сказал Рэвон. Йонг прищурилась, высматривая его бледное лицо в темноте соснового бора. Что это, сожаление в его взгляде? – Только ты можешь помочь моему народу.

Какому ещё народу?

– Какому... Чего? – выпалила от неожиданности Йонг.

Сонбэ вздохнул. Шагнул к ней, но Йонг отшатнулась и зацепилась шпилькой за корень сосны. Гравитация и страх сделали своё дело: Йонг вскинула руки, пытаясь уцепиться за воздух, и упала на спину, врезаясь в толстый ствол дерева. Пальцы проскользили по шершавой коре сосны, её повело дальше, и она полетела вниз с пригорка. Бледное лицо сонбэ дёрнулось и пропало в сумраке.

– Сон Йонг!..

Гора, на которой она оказалась вместе с Рэвоном, была не такой высокой, как в Пусане, и это её спасло: Йонг совсем недолго падала, кувыркаясь и царапая себе локти, колени, ладони и щиколотки, и жмурилась, лишь бы колючие травы и шипастые ветки кустарников не попали ей в глаза. Приземление оглушило её, она стукнулась затылком о твёрдую холодную землю и только спустя болезненный удар сердца открыла глаза. Небо кружилось, звёзды сливались в единый поток, ослепивший её на мгновение, и тут же над ней нависли тени, много теней.

⁹ «Хрень какая-то» (*корейск. сленг*). Современное выражение созвучно с названием одного из государств, находившихся на территории Южной Кореи в I–VI вв., Когурё.

К теням прилагались мечи – блестящие в неверном свете растущей луны лезвия – и наконецники стрел, острые, точно иглы. Что это...

Испугаться ещё раз Йонг не успела: тени превратились в силуэты мужчин – чёрные фигуры в чёрных же кимоно с закрытыми до глаз лицами. Мечи троих указывали на Йонг, остальные спрятали оружие в ножнах на поясе, зато держали наготове луки со стрелами. Мечи указывали на Йонг. Стрелы взмыли в сторону спустившегося сонбэ.

– Сон Йонг! Ты... – Он замер в полуметре от незваных гостей, вскинул руки. – Она со мной, – договорил Рэвон низким, непривычным для Йонг голосом.

– Это *ханрю*? – спросил у него один из воинов. Сонбэ выругался и шагнул к Йонг.

– Да. Дайте помочь ей.

Мужчины в кимоно расступились, Рэвон вошёл в их круг, ни один мускул на его застывшем лице не дрогнул, и он подал Йонг руку, словно ничего не случилось.

– Вставай, хубэ. Поднимайся.

Йонг с трудом встала, ладонь Рэвона была липкой от пота и неприятной, она отдернула пальцы, едва обрела равновесие. Что же это...

Окружившие её и Рэвона воины стояли плотным кольцом вокруг, за их спинами Йонг высмотрела оранжевые огни – ближе, чем прежде, – и отвернулась от спрятанных под чёрными тряпками лиц. Раскосые глаза, кажущаяся жёлто-зелёной в неверном ночном свете кожа. Они все были при мечах и не сводили напряжённых взглядов с Йонг.

– Мы договаривались, что вы дадите мне время, – сказал Рэвон, чеканя слова.

– У тебя оно было, – перебил его воин, что говорил прежде. Его слова звучали грубо и искажались – то ли Йонг плохо слышала, оглушённая падением, то ли говорил он с акцентом, разобрать который не было сил. – Ты свою миссию выполнил. Это точно ханрю?

Сонбэ кивнул, в темноте протянул к Йонг руку, схватил её за запястье и сжал. Она больше не пыталась вырваться. *Что же это такое?...*

– Да.

– Кто? – просипела Йонг. Мечи и стрелы в руках воинов дрогнули одновременно.

– Сон Йонг, – тихо сказал Рэвон. Она подняла к нему дрожащий взгляд – стало страшно, хотя Йонг ещё не осознала этого страха, просто почувствовала себя внезапно крохотной, мозг отказывался принимать действительность и не успевал обработать всю поступающую в него информацию. Эмоционально она всё ещё существовала в моменте в парке, прямо перед прыжком в чёрную дыру.

– С-сонбэ?

– Прости, – выдохнул он, – я хотел сделать всё не так, но у меня не осталось времени.

Как «так», Йонг узнать не дали – воин что-то рывкнул людям вокруг неё, двое схватили её под руки и оторвали от сонбэ, который даже не сопротивлялся, не пытался защитить её; Йонг молча упиралась, пока её уводили вниз по склону горы, дальше от воронки, дальше от сонбэ.

– Ты моя последняя надежда, Сон Йонг-щи, – повторил Рэвон ей в спину.

Крик застрял в горле; Йонг наконец нагнала саму себя во времени и пространстве, и паника схватила её за горло, мешала кричать, мешала *дышать*. В голове билось одно слово, набирало обороты, из вопроса превращалось в гнев: «Сонбэ? Сонбэ! *Сонбэ!*», но вслух она ни разу не позвала его. И он за ней не шёл, оставив на попечение неизвестных воинов с тяжёлыми мечами на поясе, с луками и стрелами в колчанах за спинами. От них пахло потом и грязью.

Йонг грубо тащили вниз по широкой тропе к оранжевым огням, не спросив её мнения, не выслушав, не дав объясниться, тащили и дёргали, когда она упиралась.

– Что же это... Что... – Йонг запинаясь о торчащие из земли корни деревьев, потеряла одну туфлю на склоне и теперь стирала в кровь голую ступню правой ноги и неуклюже хромала. Она почти плакала, но пока непонимание было сильнее страха. Куда её ведут? Кому она понадобилась? Что это за место?

Молчаливые воины, схватившие Йонг в кольцо из тел, утягивали её ниже, ниже в темноту, черноту ночи, к мерцающим огням, которые превращались в факелы.

Где-то за пределами внезапной паники и неприятия всего происходящего вокруг Йонг понимала одно: её уведут всё дальше от чёрной воронки, от портала, который мог бы привести обратно в её мир. Впрочем, даже несмотря на заверения сонбэ, она всё ещё полагала, что сосновый бор, приближающиеся факелы и десяток воинов ей померещились. Может, от волнения она упала в обморок, ударилась головой и придумала себе мир в кустах тёмной парковой зоны? Точно.

Но реальность, что ей привиделась, не хотела распадаться на молекулы и растворяться в пространстве: Йонг привели к берегу моря, отделённому от соснового бора на небольшом нагорье только узкой полоской деревянных построек.

– Рэвон наконец-то привёл нам ханрю, – произнёс воин перед выросшими буквально из ниоткуда воротами, за которыми скрывались другие постройки. Стоящие у ворот стражники в пластинчатых доспехах с ржавыми пятнами на плечах кивнули и пропустили их внутрь.

– Иди, *ханрю*, – заскрипел в сторону Йонг воин. Кто-то ткнул её пустыми ногами в спину, слева блеснул в свете факелов красноречиво обнажённый меч. Она проглотила подступающие к горлу слёзы и шагнула на неширокий двор.

За деревянными воротами скрывались деревянные же дома на один-два этажа, все окружённые факелами. Здесь было много людей – мужчин, одетых в такие же кимоно, как у воинов, пленивших Йонг, и в доспехах, напоминающих японские, пластинчатые, какими пользовались ещё во времена сёгуната. Пока её вели к самому высокому и большому дому, она старалась не встречаться ни с кем взглядом, чтобы не навлечь на себя беду: казалось, все вокруг смотрят на неё с удивлением, неверием, шоком, рассматривают с головы до ног, словно она чудовище, которое наконец-то удалось поймать храбрым воинам.

– Это точно ханрю? – шептались вокруг, корейские слова перемежались неразборчивым грубым наречием. – Рэвон не ошибся? Ханрю – женщина?

Йонг не понимала, чем заслужила подобное отношение, и попыталась оглянуться: вдруг за спинами окруживших её людей покажется макушка сонбэ, который идёт за ней, чтобы всё объяснить и успокоить. Но его не было, Йонг видела только провожающих её взглядом мужчин, а потом пропали и они – широкие тяжёлые двери главного дома открылись, впуская её и воинский отряд, и тут же закрылись с громким скрипом. Что не предвещало ничего хорошего.

– Садись, – приказал ей всё тот же воин сильным голосом. Перед Йонг поставили стул – прямо в центре тускло освещённого, огороженного деревянными балками зала.

– Я не понимаю...

– Садись, или я посажу тебя! – вместо ответа раздался рык – пришлось подчиниться. Она бы села и без приказов: ноги едва держали, а сдерживаемые слёзы, рвущиеся из груди, стягивали всё нутро, отчего держаться прямо становилось невыносимее с каждой секундой, проведённой в душном зале.

Йонг села, её тут же схватили за руки, увели их за спинку скрипучего стула и стянули верёвкой. Она... она теперь пленница?

Ещё утром всё, что волновало её, заключалось в сонбэ и его улыбке, а теперь Йонг каким-то невероятнейшим образом оказалась на грани жизни и смерти. От страха казалось, что жизнь утекает из её груди с каждым тяжёлым выдохом, а смерть дышит в спину, обнажая клинок меча. Нет, не думать об этом. Может быть, суровые воины не станут её убивать, а всего лишь припугнут пленом и отпустят... обратно к чёрной дыре.

Воины разошлись по углам, растянулись вдоль стен и остались стоять там молчаливыми наблюдателями. Йонг сидела на стуле со связанными руками и молча плакала.

Здесь было душно, и воздух лип к коже, тяжёлый от грубого сладкого аромата, витавшего в метре от пола. Слёзы на щеках Йонг тут же высыхали, превращаясь в чёрные солёные

дорожки, слипались от туши ресницы, тушь стекала по щекам, а горло уже саднило до боли – Йонг сдерживалась, чтобы не разрыдаться окончательно.

– Для слёз тут нет места, – раздался в тени колонн мужской голос.

Его обладатель шагнул в тусклый круг света – от многочисленных свечей, окружавших зал по периметру, – и превратился в человека средних лет, облачённого в доспехи. Сонбэ сказал, что Йонг очутилась в Чосоне, но пока что все люди, которые ей попадались, выглядели совсем не корейскими воинами. Мужчина перед ней был в кирасе – металлические пластины, стянутые шнуром, закрывали живот и грудь, наплечники держались на широких плечах, по их обрамлению текла, точно кровь, ярко-алая нить шёлкового шнура. Такие доспехи назывались о-ёрой – Йонг рассматривала подобные им в витрине пусанского исторического музея с пяти лет почти каждый год.

Такие доспехи носили японцы, и мужчина был не простым воином, а самураем, чья семья могла похвастаться знатным происхождением.

Самурай держался прямее и статнее тех людей, которые привели к нему Йонг.

– Удивлён, что вижу здесь женщину, – сказал мужчина на устаревшем корейском. Йонг присмотрелась к нему и не заметила ни меча на поясе, ни колчана со стрелами за спиной. – Мои люди, полагаю, тоже были поражены. До вас мы видели гостей из Священного Города совсем иного толка.

– Ваши... люди, – с сомнением начала Йонг, поборов новый приступ слёз, – меня похитили?

– Да, ситуация щепетильная, – покачал головой мужчина. Ему поставили стул прямо напротив Йонг, и он сел с абсолютно прямой спиной. У него были бледная кожа, узкие глаза в тисках выпуклых полных век, узкое лицо и редкая борода. Шлема Йонг не заметила, да и выглядел самурай так, будто надел доспех специально для неё. Мама на своих экскурсиях рассказывала Йонг, что о-ёрой нередко передавались из поколения в поколение в качестве символа знатного происхождения, фамильной ценности. Но выглядели доспехи боевыми – на отдельных пластинах в отблесках свечей выделялись засохшие, точно ржавчина, пятна... крови?

Должно быть, Йонг спятила. Откуда бы в Чосоне, даже если он ей не пригрелся, мог оказаться японский воин?

– Как вы находите это место? – спросил он.

– Меня сейчас стошнит, – честно сказала Йонг. Самурай запрокинул голову и засмеялся хриплым ненатуральным смехом, призванным, должно быть, разрядить обстановку. Но Йонг не врал: её в самом деле тошнило, и человеку, сидящему прямо напротив неё, следовало бы прислушаться к словам пленницы.

– Наш дорогой Рэвон, должно быть, не успел рассказать вам о тяжком положении, в котором мы оказались... – игнорируя слова Йонг, произнёс самурай.

– *Мы?* – выплюнула Йонг. И повторила громче: – Меня сейчас стошнит, я не шучу.

– Ах... Принесите ей воды и чего-нибудь поесть.

Два молчаливых воина в тусклых белых повязках на руках отошли за границу света и скрылись в темноте. Самурай в их сторону даже не повернулся, он смотрел на Йонг и улыбался.

– Я прошу прощения за такой грубый приём, – снова затянул свою песню этот человек. Он говорил чище предыдущего воина, но всё же коверкая некоторые слова: обволакивал их в грубую форму и выплёвывал окончания. – Прежде нам не доводилось принимать девушек. Надеюсь, вы не будете держать зла на моих людей за такое обращение, они не хотели вам навредить.

– Как знать, – просипела Йонг сквозь ком в горле. – Это не я сама себя к вам приволокла и связала руки.

– Ах, – повторил самурай. – В самом деле. Развяжите её, прошу вас, и впредь не совершайте таких глупостей. Госпожа нежнее мужчин, помните об этом.

Воины, помедлив, двинулись к Йонг. Тот, который связал её, распутал узлы на руках и даже неуверенно поклонился. Йонг растёрла запястья, искоса оглядела стоящих рядом людей. Она понимала, зачем вокруг неё разворачивался весь этот цирк. Сперва напугай и поставь в некомфортное положение, лишив опоры, а потом сыграй в добрячка. Классический случай доброго и злого копа тут разыгрывали этот благородный с виду самурай и командир отряда, который приволок Йонг на постоялый двор и рычал, словно собака.

В зал вернулись люди с едой и кувшином воды, за ними внесли стол. Всё это водрузили между улыбающимся командиром и освобождённой Йонг без единого слова и лишнего действия. Йонг смотрела на них с зарождающейся злостью, которая начала одолевать её после растерянных слёз.

– Ешьте, милая, пейте, – пригласил мужчина и покровительственным жестом обвёл еду рукой. Йонг чуть не фыркнула. Она сказала, что её тошнит, а не что она хочет есть.

– Я не голодна, – плюнула она, даже не удостоив самурая вежливым обращением, но вовремя спохватилась: – Благодарю.

– Понимаю. Тогда, может, расскажете о себе?

Зачем?

– Зачем? – повторила Йонг вслед за сознанием, и мужчина вновь заулыбался неприятной улыбкой, елейной, от которой становилось ещё противнее. Аромат сладких цветов, обёрнутый глухим кислым запахом, витающий в воздухе, исходил, казалось, от него. – Раз вы схватили меня, то вам известно обо мне уже всё, что нужно.

– Не всё, – медленно покачал головой самурай. – У нас в гостях побывали некоторые представители вашего Города, но вы – первая женщина.

У Йонг кружилась и пухла от всех этих слов голова. Она точно не оказалась посреди съёмочного процесса какого-нибудь сагыка¹⁰, нет?

– И что? Принесёте меня в жертву богам? – проблеяла она. – Сдадите в дом кисэн¹¹?

Мужчина опять улыбнулся. Что-то в его облике – кроме традиционных японских доспехов, кроме положения, в которое он её поставил, кроме улыбок, – смущало Йонг. Она не могла понять, что именно. Будто его лицо было одновременно знакомо и незнакомо ей. Будто она могла его видеть – сохранённый где-то в отдалённых уголках её памяти отпечаток из далёкого прошлого, дежавю.

– Мы никого не приносим в жертву, моя дорогая, – произнёс человек. – Вы попали к нам в непростое время, оно на исходе, и сейчас вы единственная, кто может помочь нам. Согласно словам нашего дорогого Рэвона.

Нашего? Дорогого? Йонг окончательно запуталась и решила, что больше играть в эти игры не станет.

– Я даже не понимаю, где именно нахожусь, – процедила она. – В каком времени? В каком городе? Что здесь вообще происходит?

– Ах, – снова повторил мужчина. Если он ещё раз ахнет, Йонг бросит в него кувшин с водой, тот как раз стоит аккуратно рядом с ней. – Рэвон предполагал, что такое может случиться. Вы пришли в наш мир из *Священного Города*, моя дорогая. Разумеется, там могли не слышать о нас.

– Простите?

Он улыбнулся. Отодвинул чашу, склонился ближе. Йонг почти потянулась к нему в ответ, но вовремя себя удержала: этот человек уже пытался манипулировать ею, хотя был ей неприятен, а теперь заставляет её заглядывать к нему в рот? Нет, не бывать такому.

¹⁰ Корейские исторические драмы, то есть сериалы.

¹¹ Корейские куртизанки, артистки развлекательного жанра, обученные танцам, музыке, пению, поэзии и поддержанию разговоров. Дома кисэн были особенно популярны в эпоху Чосон.

– Здесь идёт война, милая. Наши земли находятся под гнётом дурной династии. Они вырезают неугодных им наследников, находят глупых преемников, чтобы удержать власть в своих руках. Они отравляют родные земли и заставляют своих людей страдать ради их личного блага.

Бла-бла-бла. То есть ведут себя как большинство правителей большинства государств на протяжении столетий. Сонбэ сказал, что она попала в Чосон, да и всё вокруг напоминает Чосон, кроме этих ряженных в кимоно людей, но... В каком именно году она оказалась? Можно ли считать, что она попала в прошлое? Священный Город, о котором этот человек с жеманными улыбочками постоянно говорит, это будущее?

– Они держат в страхе всю страну, потому что обладают могущественной силой, – продолжал командир. Йонг невольно нахмурилась, он заметил это и просиял – значит она внимательно его слушала. – Она способна сжигать целые города. Уничтожать народы. Стирать с лица земли государства.

Неужели? Что это за сила такая? Огнестрел?

– Мы хотим свергнуть дурных людей с трона, чтобы в стране установились справедливые порядки. Понимаете меня, милая?

– Я не милая, – буркнула Йонг, которая устала и сидеть на жёстком стуле, и дышать приторно-сладким воздухом, и смотреть на улыбчивого противного человека перед собой. И слушать его тоже.

Это все сагги виноваты, решила Йонг с напускной флегматичностью, которой не могла похвастаться ни в какое другое время. Мозг упорно отказывался принимать эту действительность за реальную: не могла Сон Йонг оказаться в каком-то лагере рядом с морем. Не могла стать пленницей скользкого человека в японских доспехах. Не могла быть нужной ему.

– Меня вряд ли касается ваша борьба за власть, – заявила Йонг.

– Хм, – задумался мужчина. – А вот тут вы не совсем правы.

Что?...

– Я неспроста сказал о могущественной силе правящего клана. Точно такая же есть у вас.

Приехали, куда не просили. Йонг запрокинула голову на спинку кособокого стула, которая скрипнула от усилия. *Очнись*, отчаянно думала она, приди в себя, во имя всех святых духов. Все происходящее тут настолько нереально, что не может быть даже сном – ей не снятся такие безумные фантазии о чосонских тёмных временах, о чёрных дырах, ведущих в другие реальности, о ряженных японцах в военном лагере... Ей ничего такого не снится, никогда не снилось.

Но принять всё за чистую правду Йонг тоже была не способна.

– У любой королевской династии есть наследники, найдите среди них адекватного и поставьте его у руля, – вспомнила она.

– Наследник королевской династии покинул страну, – сказал мужчина. – Полагаю, его убили. Власть не любит пустоты, и скоро на его место посадят послушную куклу. Мы хотели бы это предотвратить, но наших сил недостаточно.

Йонг смотрела на него, но мысленно уже считала деньги, которые придётся потратить на психоаналитика, когда её отпустит этот приход. Похоже, она сгорела на работе – не стоило корпеть над дурацким отчётом три часа вместо обеда, надо было всё оставить руководителю Паку и сбежать вовремя.

– И вы хотите, чтобы я...

– Чтобы вы помогли остановить дурных людей, госпожа, – закивал человек и снова заулыбался, будто теперь они достигли нужного уровня понимания. А Йонг просто хотела, чтобы он закончил свою мысль поскорее.

– Но при чём тут я?

Человек не ответил – замялся, а потом его прервал глухой удар; тяжёлые двери дома, в котором держали Йонг, распахнулись, ударились о стены, вызвав возмущение самурайской стражи, и в них прошёл Рэвон.

Одетый в японское кимоно тёмно-синего цвета, с белым оби, с белой повязкой на лбу. У него даже был меч, он нёс его в руках, а поравнявшись с Йонг и женщиной перед ней, повесил на пояс отточенным движением и низко поклонился.

Не Йонг. Человеку.

– Тоётоми-сама¹², – проговорил он в поклоне, и Йонг решила, что ослышалась. *Сама?* Выглядящий совершенно органично среди японских самураев Рэвон обращался к сидящему перед Йонг человеку, и потому до неё не сразу дошло.

Стоп. *Тоётоми?* Японский полководец шестнадцатого века? Тот самый, которого сонбэ упоминал в разговоре о предках? В каком веке она всё-таки оказалась?

– Сон Йонг-щи, – позвал её сонбэ. Йонг подняла к нему взгляд, но совсем его не видела: ситуация явно выходила из-под контроля, и больше списывать всё на игры разума Йонг не могла. Вот бы её кто-то приложил головой об пол, вырубил на пару часов, чтобы она очнулась уже у себя дома или, в крайнем случае, в больничной палате, а какой-нибудь добрый доктор сказал ей, что она перетрудилась и потому нуждается в отдыхе.

За стенами дома зашумели: бегали и кричали люди, которых Йонг до этого видела только мельком. Стало ещё тревожнее.

– Интересный выбор, Рэвон, – кивнул ему Тоётоми. – Надеюсь, в этот раз ты не ошибся.

– Я почти уверен, господин, – сказал тот, разом побледнев, и только потом повернулся к Йонг. – Сон Йонг-щи, в этом мире ты можешь стать сильнее и влиятельнее королевской династии и их приспешников. Ты спасёшь наш... *мой* народ и меня, если согласишься помочь нам.

– Чего? – огрызнулась Йонг. Рэвон и человек перед ней переглянулись, последний расплылся в довольной улыбке.

– В ваших жилах течёт могущественная кровь, госпожа Сон Йонг, – добавил улыбающийся *Тоётоми-сама*. – И мы позволим вам осознать свою силу.

– Я не...

Не понимаю. Не хочу понимать. Не хочу быть здесь.

Йонг взглянула на Рэвона, но не получила в ответ ни улыбки, прежде успокаивающей её даже в самые сложные дни на работе, ни простого кивка: сонбэ, которого она знала, теперь казался совсем чужим, сошедшим со страниц учебников по истории воином в стане японского военного лагеря.

– Сонбэ... – тихо позвала Йонг. Тот, помедлив, посмотрел на японского самурая и только после молчаливого одобрения присел на корточки перед ней. Его бледное лицо оказалось совсем рядом с Йонг, она поморщилась, невольно вдавливая себя в спинку стула. Этот человек не мог быть её парнем. Он был незнакомцем.

– Сон Йонг, уверяю, здесь никто не причинит тебе вреда.

Можно ли ему верить? Сонбэ пообещал, что её не тронут, а теперь Йонг сидела в доме, полном враждебных воинов, была пленницей незнакомца с планами, в которые он пытался втянуть её, и Рэвон, одетый так, будто всю жизнь служил японцам, просил у неё невозможного.

– У меня нет никакой... – слабо запротестовала Йонг и осеклась, понимая, что голос дрожит от слёз и злости, и все это слышат. Она зажмурилась, когда руки Рэвона коснулись её ладоней.

¹² Японское обращение к начальникам гораздо более высокого служебного положения, чем говорящий, аналог обращения «господин».

– Не плачь, Сон Йонг, здесь ты в безопасности.

Она уже не плакала – злилась, мечтая проснуться. Пожалуйста, взмолилась Йонг, пусть всё окажется противным липким сном или бредом, или глюками, или пусть она просто сошла с ума... Нет, пусть лучше Рэвон сошёл с ума, пусть это его нужно будет вести к психиатру и пичкать таблетками.

В конце концов, сонбэ привёл её сюда, не она. Сонбэ сидел перед ней, ряженный в японское кимоно, как на съёмках дорамы. Сонбэ рассказывал пафосные сказки вместо того, чтобы просить её руки и сердца.

Люди за стенами дома, в котором она была невольной пленницей, кричали, слышался звон мечей. Пока Йонг молила всех известных ей богов и духов о пощаде, самурай отдал три коротких приказа на своём языке, воины вокруг неё зашевелились и выбежали из дома навстречу шуму.

– Я думала, ты хочешь просить меня о другом, – процедила Йонг, выдавливая в слова обиду, и та ссыпалась ей в руки песком и горьким пеплом.

Воздух пах им на самом деле.

– Ёнг¹³, – выдохнул вдруг Рэвон и встал, хватая Йонг за руки. Ей пришлось подняться следом, на слабых ногах она едва могла держаться и схватилась за кимоно сонбэ влажными от невольных слёз и пота пальцами.

– Тоётоми-сама, уходите, – велел Рэвон самураю. – Я уведу ханрю.

Она бы расспросила явно сумасшедших людей, что всё это значит, если бы в этот момент крышу дома над головой Сон Йонг весьма прозаично не сорвало резким порывом ветра. Сам дом тоже был хлипким и неустойчивым, но крытую соломой кровлю унесло первым делом, и было из-за чего.

Люди за стенами, шумевшие всё то время, что Йонг включалась в нереальный разговор, теперь кричали в голос, стреляли в тёмное небо, и то отвечало им. Сперва две краткие вспышки осветили низко нависшие над ними облака, а потом прямо над Йонг, сонбэ и остальными из-за стен дома выросла *огромная тень*. Взвилась прямо из-за деревьев, впиалась в тёмно-серые облака, проскользила и нырнула вниз.

В небе, изрыгая вспышки ярко-оранжевого огня, извивался *дракон*. Длинное тело, переходящее в хвост, сверкающая в редких факельных огнях чешуя с коричневыми подпалинами, блестящие когти на длинных лапах. Йонг не смогла бы такое придумать даже в самом болезненном бреду. Нервы окончательно отказали; она закричала в голос, ей вторил крик сонбэ.

– *Йонг!* Сон Йонг, берегись!

Рэвон схватился за меч; дракон снова осветил пламенем грозящие пролиться дождём облака, и в неверном свете, глядя с земли, Йонг поняла, что летающий дракон больше похож на змею.

«*Серьёзно?!* – искренне возмутилась Йонг, продолжая кричать от ненадуманной паники. – А дальше кто? Пусанский тигр? Дух кумихо? Отель для призраков?»

Рэвон замахнулся и бросил меч прямо в небо. Драконья тень мазнула Йонг по лицу, и внезапно оказалось, что он гораздо ближе, чем ей мерещилось: зверь спустился с густых облаков прямо к ней, дыхнул, опаяя искрами и жаром стоящих рядом с ней самурайских стражников. Те кричали и падали, стараясь увильнуть от языков пламени, Йонг вросла в землю, на которой стояла, и не могла пошевелиться. Сонбэ лишился меча и закрывал собой Йонг.

– Бежим, Сон Йонг!

Куда?! Сонбэ потащил её за собой, крича воинам, но те в страхе разбежались, и посреди полупустого зала некогда целого дома Йонг и Рэвон остались одни.

¹³ Дракон (*корейск.*).

– Защитить ханрю! – кричал сонбэ, а потом перемежал свои возгласы японской речью. Если бы в этот момент Тоётоми не отдавал приказы своим людям, те, вероятно, услышали бы Рэвона, но в рёве чудовища, что висел над Йонг и закрывал её своей устрашающей тенью, она не слышала даже себя.

– Давай же, Сон Йонг!

Она бежала за Рэвоном, продолжая кричать; в уцелевших дверях дома запнулась и полетела лицом в землю. Сонбэ попытался схватить её – и не успел.

Длинные когтистые лапы дракона, все в тёмно-коричневой чешуе, в темноте похожей на кору дерева, обхватили Йонг за талию, словно она была куклой и ничего не весила. Дракон взмыл в небо вместе с ней, стрелы, выпущенные самураями, будто зависли в воздухе, последняя просвистела мимо, задев Йонг по голой ступне; она этого не почувствовала. Дракон тащил её в облака, а она не могла даже закричать.

– Йонг! – кричал с земли стремительно уменьшающийся сонбэ. – Сон Йонг! Я спасу тебя! В горле оседали пепел и морось от дождевых облаков. Сердце леденело от страха.

Самый настоящий дракон уносил Сон Йонг прочь от Рэвона в мире по ту сторону чёрной дыры. И Йонг больше не чувствовала себя во сне.

3

Кажется, она потеряла сознание где-то между горным хребтом, который отделял береговую линию от основной земли, и густым непролазным лесом, за которым скрывалась новая деревня, чуть больше той, что Йонг уже видела. В себя она пришла в месте, где было больше света и больше воздуха: в четырёх стенах в доме, похожем на тот, куда её уже приводили. Этот был ещё старше, времён короля Конмина, не иначе.

Йонг решила сперва, что ей в очередной раз всё пригрезилось – и жёсткая деревянная лавка, на которой она очнулась, и стены вокруг неё, и дракон, и самураи, и сонбэ в японском одеянии, и чёрная дыра, в которую она провалилась... После обморока нереальным ощущалось всё, даже неудачное свидание с Ким Рэвоном, пусть он на поверку оказался совершенно ненормальным косплеером. Но чем дольше Йонг лежала без движения в страхе пошевелиться, тем больше понимала, что её грёзы продолжаются: она чувствовала грубую циновку, твёрдую поверхность самой лавки, чувствовала, как затекли и болят у неё плечи, а ещё то, с каким натяжением отзываются на каждое движение её рёбра.

Дракон обхватил её за талию, прежде чем взмыть в небо и унести прочь под перепуганные крики самураев и сонбэ. Кажется, под рёбрами у Йонг остались царапины от длинных острых когтей – блузка слиплась от крови и неприятно тянула кожу при малейшем движении.

В комнате, кроме неё, были ещё люди: по крайней мере, двое из них тихо переговаривались в дальнем от Йонг углу. Она побоялась открывать глаза и задержала дыхание, чтобы те не обнаружили, что она уже очнулась.

– ...как это случилось? – спрашивал первый голос, звонкий. – Думаешь, дракон становится сильнее?

– На этих землях у него мало власти, – отвечал собеседник тихо и твёрдо. – Возможно, всё дело в ночи – Лан сказала, сегодня инь глотает луну. Но дракон пробудился не из-за врат, они не связаны...

– Значит, из-за женщины? – перебил его звонкий голос.

– Сначала ребёнок, теперь она. – Ногти заскребли по деревянной поверхности стола. – Не думал, что Рэвон осмелится привести из Священного Города женщину. Какой в этом смысл?

– Рэвон терпел неудачи столько раз, неудивительно, что он отчаялся. – Первый собеседник подвинул стул – с глухим перестуком ножки встали на новое место. – Насколько я могу судить, это его последняя попытка выслужиться перед своей новой семьёй.

– Терпел неудачи Рэвон, а расплачивались за них представители Священного Города. Вспомни, что случилось с последним... Впрочем, не стоит сейчас об этом.

– Почему?

Скрипнули половицы под тяжёлым весом говорящего.

– Наша гостья очнулась.

Йонг вжалась в лавку, надеясь, что та поглотит её целиком и спрячет от чужих глаз: по полу застучали мерные шаги двух людей, одна тень нависла над Йонг, закрывая от неё и без того неяркий свет прорезающих комнату белых утренних лучей.

– Как вы себя чувствуете, *госпожа*?

Она открыла глаза не столько от страха, сколько от недоумения – не похож был его голос на того, кто собирается держать Йонг в плену, как она уже успела себе надумать. Из расплывающихся в воздухе очертаний, пятен тусклого света и теней под низким потолком сложилось лицо: смуглые нос и скулы, обрамлённые чёрными волнистыми волосами; те были собраны в слабый пучок на затылке, влажные пряди свисали вниз. Йонг на мгновение почудилось, что в его правом глазу отражается язычок пламени, и тут же зажмурилась, заморгала, пытаясь разогнать муть в голове. Мужчина стоял перед ней в плотной чёрной рубашке, чогори¹⁴, с тёмно-зелёным воротником и корымом¹⁵. Он был похож на воина.

– Она в порядке? – слышался голос его недавнего собеседника. Тот стоял чуть поодаль, заглядывал через плечо воина распахнутыми в удивлении глазами. У него кожа была бледнее, черты лица тоньше, и весь он казался испуганнее своего друга, но одет был так же – разве что на нём наряд сидел хуже, словно был снят с чужого плеча. Его лоб закрывала неширокая повязка, тёмно-зелёная, с тонко вышитым на ней символом. Что это? Дракон?

– Госпожа? – переспросил первый.

«Что те, что эти – какая я им госпожа?» – вспыхнул в сознании Йонг протест, но она прикусила губу и отвечать не стала: в незнакомой обстановке лучше было притвориться глухой, немой, а порой и слепой, лишь бы враг решил, что ты безобидна. Жаль, эта мудрая мысль не пришла ей в голову в гостях у самураев.

– Кажется, она немая? – с сомнением спросил второй мужчина. Первый нахмурился, оглядел Йонг с головы до ног и протянул ей ладонь. Он что, рассчитывает, что Йонг возьмёт его за руку, вот так просто, будто они друзья-приятели? Кем он себя возомнил? На что надеется?

Да и потом, разве не собирается он допрашивать её и пытаться в лучших традициях сагыков, каких Йонг в подростковом возрасте проглотила с пару сотен? Она сжала пальцы в кулаки, чувствуя, как напряжение скользит вдоль ладоней вверх по рукам, и медленно села. Отодвинулась дальше от протянутой руки, к стене, вжалась в неё лопатками.

Воин выпрямился, бросил на друга короткий взгляд и дёрнул плечом.

– Ты, должно быть, сильно напугана, – сказал второй, тот, что побледнее. – Прости нас, мы не хотели создать такое о себе впечатление.

– Конечно, она напугана, – заявил первый. – Она даже не понимает нас.

У Йонг были слабые представления о людях, проживающих в этом... мире? времени? моменте? – но второй напоминал ей выходца из благородной семьи, голубую кровь; по крайней мере, именно такими представлялись принцы и интеллигентные учёные в сагках, ученики академии Сонгюнгван и летописцы. Он говорил чисто, тянул гласные, не коверкал отдельные звуки, а будто пел. Первый же явно походил и голосом, и манерами, и способностью держаться на командира отряда, кого-то, кто с мечом обращается куда лучше, чем с людьми. И говорил так же: хрипло, но уверенно, отделяя друг от друга каждое слово.

¹⁴ Блузка или жакет корейского национального наряда, закрывает верхнюю часть тела и руки.

¹⁵ Лента, которой чогори завязывается на груди.

– Послушайте, – уже сердясь, произнёс воин и склонился к Йонг – так резко, что она дёрнулась и ударилась затылком об стену. – Нет, я не... Слушайте, я не хочу обижать вас. Мы не для этого вас спасали.

Йонг свела брови к переносице, сжала губы, и воин всё понял без слов – коротко кивнул, выпрямился, вновь загоразживая её от россыпи потухших свечей вдоль стен и пронизывающих комнату белых лучей утреннего солнца за спиной.

– Мы доставим вас к воротам и вернём в Священный Город в самое ближайшее время. Вы можете довериться нам.

С какой стати? Резонный вопрос, должно быть, отразился во всей позе Йонг: воин и его друг одинаково наклонили головы, замялись. Последний потянулся к мужчине и зашептал, но Йонг все равно услышала:

– Мы буквально выкрали её у японцев, вряд ли у неё найдутся достойные причины нам доверять.

– Вряд ли у неё будет выбор, – отбрил воин, ничуть не прячась. Потом снова переключил внимание на Йонг. – Вы в безопасности здесь, *юджон-ёнг*.

Йонг вновь нахмурилась: она не слышала прежде этого слова, непохожего на привычные ей обращения, непохожего даже на древние обращения и диалектные формы обращений. Должно быть, здесь так звали выходцев из чёрных дыр, не иначе. Или девушек, попавших в беду. Или пленниц.

– Она не поверит тебе, – покачал головой *юноша из Сонгюнвана*. – Я бы тоже не стал.

Воин покосился на своего друга, лицо пересекла хмурая ухмылка – уголок губ пополз к рассечённому уху с тонкой коркой засохшей крови на нём. Йонг это не понравилось, она шумно сглотнула подступившую к горлу густую слюну – страшно, душно, будто сам воздух оборачивает её тело в плотный кокон.

– Как я и сказал, выбора у неё нет. Мы единственные, кто может помочь ей вернуться домой. После того как поймём, что ей ничто не угрожает, сразу же отправим в Священный Город.

Он покосился на Йонг; Йонг смотрела прямо на него, не мигая, и он чуть изменился в лице, стал ещё серьёзнее.

– Скажи, чтобы госпоже принесли поесть. Она наверняка голодна.

Воин развернулся и в три широких шага преодолел расстояние до дверей комнаты, распахнул их резким движением и вышел не оглядываясь. Бледный юноша кинулся за ним, немного помедлив в нерешительности у лавки Йонг.

– Эй! Эй, кто сказал, что ты можешь отдавать мне приказы? Разве я стою не выше тебя, а? Нагиль!

Двери неплотно закрылись, но перед этим Йонг заметила за ними коридор и приставленных к комнате стражников, по одному с каждой стороны. Два воина в кожаных доспехах, с мечами на поясе. *Вы можете довериться нам*, как же. Йонг отодвинулась так, чтобы сквозь щель в двери её не было видно, и осмотрелась внимательнее.

Тесная комната с невысоким окном, ставни которого скрипят при малейшем дуновении ветра снаружи. Низкие потолки, спёртый воздух, в носу свербит из-за гари от десятка потухших свечей, расставленных по периметру комнаты на деревянной же балке, – видно, их потушили недавно. Значит, сейчас утро. Значит, она пробыла без сознания всю ночь.

Двери резко открылись: Йонг вздрогнула в испуге, и появившийся за ними мальчишка с подносом в руках ойкнул и вжал голову в плечи.

– Ка-капитан сказал, что вы голодны, – прошепелявил он и вытянул руки. Стоящие на подносе глиняная чашка и миска задрезжали, мальчик опустил поднос на стол в углу комнаты и шмыгнул за двери, которые тут же захлопнулись.

На подносе остались стоять сероватая каша с комочками и мутноватая, не вызывающая доверия, вода. Даже если бы Йонг и хотелось есть, она бы к *угощению* не притронулась. С чего вообще все в этом мире пытаются её накормить?

Йонг закашлялась; происходящее с ней казалось если не болезненным бредом, то как минимум приключением из драмы.

Упала в чёрную дыру и очутилась в Чосоне – кому рассказать, не поверят. И нет бы тут её встретил кто-то приятный. Вот Айю утонула в озере и оказалась в купальне с кучей красавчиков-принцев, Ким Хисон вообще из её времени увёл прекрасный, как тысяча солнц, капитан королевской стражи, сыгранный Ли Минхо¹⁶. А что Йонг? Думала, что идёт на свидание, а в итоге сидит в душевной комнатке под стражей, где-то неподалёку перемывают ей кости растрёпаный воин и сонгюнгванский студент-ученый, и никто из них и близко не похож на красавца Минхо.

Вот бы Йонг всё вокруг просто приснилось – но она устала щипать себя за локоть и кусать губу до крови, стены комнаты не растворялись в тумане из грёз, сигнал будильника не вырывал её из безумного сновидения, а говорившие с ней были реальнее, чем ей хотелось бы.

Как и сонбэ, что привёл её сюда. Как и японские самураи и тот тип с елейной улыбочкой.

Как и дракон, унёсший Йонг из одного плена в другой.

Был ли он реальным или всего лишь игрой воображения вконец свихнувшейся Йонг, проверить это она могла единственным способом: на свободе, подальше от враждебных ей людей какой бы то ни было нации.

Сонбэ пообещал, что спасёт её, но здесь Йонг окружают десятки солдат, и Рэвон не сможет пробиться к ней в одиночку. Будут ли у него помощники? Хватит ли их сил? Эти вопросы были слишком тревожными, чтобы задавать их себе, и Йонг отодвинула их дальше в подсознание. Будет ли он искать её один или с войском – и будет ли искать вообще, – проще станет, если она окажется за пределами вражеского лагеря.

Значит, надо спастись самой.

Йонг хорошо слышала, как за дверью её комнаты ходили вдоль коридора стражники, как тихо переговаривались ещё какие-то люди. Они говорили с явным акцентом – хрипели, растягивали гласные, понижали голос там, где Йонг обычно тянула верхние ноты. Звучали не так, как звучат пусанцы, да и на выходцев из столицы не походили.

«Должно быть, в Чосоне были совсем другие диалекты, и ввали историки о сохранении языковой чистоты», – решила Йонг – и тут же себя одёрнула. Дура, вот сейчас-то зачем думать про диалекты и разговоры людей? Понять бы, в каком временном периоде очутилась...

Она встала с лавки, с удивлением обнаружив, что натёртые до крови ступни ей кто-то заботливо обмотал тряпьем и натянул поверх посоны. Одну туфлю она потеряла ещё на склоне после чёрной дыры, вторая обнаружилась у лавки рядом с парой сандалий.

Она встала, проигнорировала сандалии и шагнула к окну с закрытыми ставнями. Кажется, те легко отпирались (только бы не скрипели!), а высота окна позволяла вылезти через него наружу и оказаться если не на свободе, то на верном пути к ней.

Лишь бы стражники за дверьми ничего не заподозрили. Похвалив себя за находчивость – притвориться немой и тупой было очень кстати! – Йонг схватила с пола несчастную туфлю и сломанным каблуком не без усилия открыла ставни. Те скрипнули, Йонг тут же испуганно охнула и, почти не глядя, прыгнула в распахнутое окно.

Думать надо было до того, как действовать. Эта светлая мысль пришла Йонг в голову уже в листве хурмы, увитой плющом, которая росла прямо напротив окна её комнаты. Ветки дерева подстраховали её от ужасного падения на землю, до которой было метра три. Йонг кое-как

¹⁶ Айю, Ким Хисон и Ли Минхо – актёры популярных южнокорейских драм, главные героини которых стали попаданками в прошлое.

добралась до ствола хурмы и уселась, свесив вниз ноги. Густая листва прикрывала её со всех сторон, ветер шелестел листьями, и внутри дома никто не запаниковал и не застучал по дверям её комнаты – значит у неё было немного времени на придумывание хоть какого-то плана.

Кажется, главные ворота были справа от главного дома – там было больше всего людей и шума их сонных голосов. Слева находился... амбар? Что-то похожее на амбар, в котором могли в равной степени хранить кимчи, казну и оружие, от мечей и кинжалов до винтовок с арбалетами. Были ли у людей этого времени вообще огнестрелы?

И почему, ради всех святых богов, Йонг раздумывает об этом в такой неподходящий момент?

Она прикинула свои шансы: расклад так себе. Если её охраняют, значит, она представляет собой какую-то ценность. Может быть, хотят выменять её у сонбэ на кого-то важного или выпытать у неё сакральные знания о будущем – она же из будущего к ним попала, верно? Или вернуть в какой-то Священный Город против её воли. Если её охраняют, значит, будут искать.

Местности Йонг не знает; что скрывается за воротами этого лагеря с кучей стражников, тоже понятия не имеет. Стоило бы спрятаться вон в том амбаре между бочками с кимчи и оружием, *или духи их знают чем*, и последить за ситуацией. Дождаться вечера, например: вечерний сумрак и тени укроют её от посторонних глаз, а дальше, если повезёт, она укроется в лесу и окажется в шаге от воспаления лёгких. Зато на свободе и ближе к Рэвону. Только бы вырваться из-под стражи.

В конце концов, она изучала тёмную материю, уж с людьми из Чосона сладить сумеет. Сумеет же?...

Йонг решила так: раз она не может очнуться от бреда, раз стандартные методики «разбуди себя ото сна» не помогают, она примет как данность то, что очутилась в Корее времён эпохи Чосон. Чтобы не свихнуться окончательно. Чтобы не тратить силы на поиски логики там, где она даже не предполагалась. Чтобы разобраться со своим бедственным положением как можно быстрее, а потом уже отправляться на поиски чёрной дыры, которая приведёт её в настоящее, и почившего разума, который, похоже, окончательно её оставил.

Да, так Йонг и сделает. Сперва разберётся со своим пленом и стражниками, а потом найдёт сонбэ или, если повезёт, чёрную дыру, через которую можно вернуться домой.

Стражники обходили периметр дома, загребая усталыми ногами песок. Йонг дождалась, когда очередная пара воинов зайдёт за угол, и только тогда попыталась спуститься с дерева. Веток здесь было много, она упиралась ногами в нижние и аккуратно снимала себя с верхних, цепляясь каблуком туфли за кору дерева, стараясь не издавать лишнего шума и жалея даже, что в детстве не лазала по заборам.

Голоса новой пары стражников она услышала до того, как окончательно слезла, и потому, испугавшись, прыгнула вниз и кое-как откатилась к западной стене дома, у которой её на некоторое время укрыла плотная тень.

И тень заговорила голосом уже знакомого Йонг воина:

– Так и знал, что вы решите подышать свежим воздухом.

Йонг вскрикнула и замахнулась туфлей, но Нагиль, хмыкнув, лениво отбил её выпад. Он стоял совсем рядом с ней, опираясь плечом на стену, и смотрел на перепуганную Йонг сверху вниз. У него в руках были сандалии, он медленно опустил их на землю и пододвинул к ней.

– Я же обещал доставить вас обратно к воротам. Почему вы сбегаете, госпожа?

Её вернули в дом. Первый этаж тут заполняли юноши и девушки, одетые в одинаковые простые ханбоки с хлопковыми юбками с зелёной оторочкой и зелёные же чогори. Нагиль вёл упирающуюся Йонг под руку и отпустил, едва они перешагнули порог. К ним сразу же повернулось с десяток пар глаз: смолкли тихие разговоры и смех стражников; один, помоложе,

тыкал второго в бок, на него шикали; служанки окинули Йонг оценивающими взглядами и покраснели при виде воина позади неё.

– Проходите, госпожа, здесь вы в безопасности.

Он столько раз успел повторить это «в безопасности», что Йонг окончательно разуверилась в его благородных мотивах. Если хотел спасти её и вернуть домой, зачем удерживает здесь? Меч, спрятанный у него в ножнах на поясе, без лишних церемоний намекал на ждущую своего времени силу, которую он мог применить.

Он и все остальные в этом доме.

Йонг прошла до лестницы, ведущей на второй этаж от просторного зала. Здесь толпились, выглядывая из-за деревянных колонн, и шипели друг на друга проснувшиеся стражники. Тихо шурша подолами юбок, мимо ходили любопытствующие девушки. Йонг остановилась, обернулась на молчаливо ждущего её решения воина. Тот смотрел на неё, не мигая, а потом перевёл взгляд на стражу, и те в одно мгновение скрылись из вида.

Стало тихо, напряжённо. Йонг решила, что вновь возвращаться в тесную комнатку не станет, и, раз уж она всё равно себя выдала, скрываться и дальше будет глупо.

– Зачем я вам? – спросила она и тут же услышала в ответ удивлённые вздохи со всех сторон.

Нагиль хмыкнул, скривил губы в подобии улыбки.

– Как я уже сказал, мы хотим вернуть вас домой.

– Так верните, – отрезала Йонг, вскинув подбородок. Нагиль был выше её почти на голову, и она дышала ему в остро очерченный кадык, обтянутый смугловатой гладкой кожей. Его вид и властная манера держаться могли бы испугать её, если бы перед этим Йонг не столкнулась с глюками пострашнее.

– Прямо сейчас, – начал Нагиль с таким видом, будто Йонг просила подать ей звезду с неба, – это будет непросто.

– Сюда же вы меня как-то притащили. Или вы боитесь дракона?

Притихшая было компания стражников, не успевшая покинуть общий зал, разом выдохнула, кто-то поперхнулся. Он бросил на них ещё один взгляд, и несколько человек встали с занимаемых ими лавок и промаршировали мимо, прямо к выходу.

– Вернитесь в комнату, госпожа, – процедил Нагиль сквозь зубы. Звякнул меч у него на поясе, и Йонг спорить не стала. Она поднялась вверх, след в след за ней шагал этот грубый стражник.

– Мы не боимся дракона, – сказал он, как только дверь комнаты за ним и Йонг закрылась. – Дракон служит нам.

Йонг повернулась к нему лицом.

– Так прикажите ему доставить меня домой, – сказала она. Будь что будет: хотел бы убить – сделал бы это ещё внизу, на глазах своих подчинённых, а не приводил бы в чистую комнатку.

Она нашла в углу стул и села, вытягивая уставшие ноги. Не стоило вести себя так опрометчиво во вражеском лагере... Только вот Йонг слишком устала. Гудело всё тело, мозг отказывался перерабатывать картинки, что транслировал ему зрительный нерв. Йонг уже отмела вариант, что попала на съёмочную площадку какой-то дорамы: всё тут было слишком реальным, да и боль под рёбрами от когтей дракона ощущалась так остро, что игнорировать её не было возможности.

Нагиль смотрел на неё, склонив голову, не двигаясь. Йонг прикинула, что шансов вырваться из-под его контроля у неё всё равно немного – ждал же он её под деревом. А теперь вот взирал на неё сверху вниз, словно она была его добычей.

Да и дракон, судя по всему, скрывался где-то неподалёку, а сталкиваться с ним вновь Йонг очень бы не хотелось.

– Понимаю, вы нам не доверяете, – сказал Нагиль. Йонг кивнула с некоторым удивлением – неужели понимает? – Но мы не желаем вам зла. Иначе предоставили бы условия пострашнее.

– В клетку бы кинули?

– Оставили бы японцам.

Йонг прикусила губу, боясь плюнуть коварное «меня найдут и спасут!», и опустила взгляд на свои перепачканные, порванные брюки. Хвастаться близкими отношениями с представителем вражеской стороны – так себе идея для девы в беде. Йонг подавила в себе желание растереть глаза докрасна. *Проснись, глупая, проснись!*

– Откуда мне знать, что вы не врётё? – спросила, наконец, Йонг и тут же пожалела о своих словах: по лицу Нагиля пробежала тень и тут же рассеялась от вспыхнувшей в глазах злости.

– Ниоткуда, – уронил он. – У вас нет причин доверять нам, но я прошу вашей веры. – Йонг шумно сглотнула, покосившись на его меч. – Я верну вас к воротам, из которых вы пришли, как только мы убедимся, что войска генерала Тоётоми и человек, известный здесь как Ким Рэвон, не будут чинить вам препятствия.

На этом имени они оба – и Нагиль, и Йонг – одновременно поморщились, только он сделал это с некоторой злостью, а Йонг с недоверием.

– Не знаю, что Рэвон пообещал вам, раз вы добровольно прошли за ним через ворота, – добавил он, – но здесь ничего хорошего вас не ждёт. Вернуться домой – самое большее, на что вы можете рассчитывать.

– Я ни на что не рассчитываю, – оборвала его Йонг. Раздражение и обида оплетали все остальные чувства внутри неё, обволакивали усталость, сковывали горло – она заплакала бы снова, будь у неё возможность остаться наедине с собой, а не сидеть под наблюдением пары глаз, горящих не то праведным гневом, не то яростью по отношению ко всему живому. Если бы эта эмоция имела цвет, она стала бы красной, как языки пламени.

Йонг забралась с ногами на стул и опустила лоб на колени, шумно выдохнула.

– Могущество, власть какая-то... Я просто хочу домой.

И чтобы сонбэ вытащил её отсюда самолично и объяснил наконец, во что втянул. Или чтобы просто вернул домой, без объяснений. Йонг вернётся в Пусан, отоспится как следует и решит, что ей всё привиделось.

– Пока войска Тоётоми охраняют ворота, – заговорил Нагиль после паузы, – нам к ним не пройти, но...

Йонг вскинула голову, и он осёкся.

– Постойте. – Она нахмурилась, села прямее. – Значит, я не ослышалась, *Тоётоми*? Тот, который воевал с Чосоном в шестнадцатом веке? Имджинская война и всё такое?

– Простите? – откровенно удивился воин. – Вы знаете про войну?

Йонг окинула его внимательным взглядом. Не похож он был на того, кто удивляется простым вопросам.

– Это... в школе проходят, – с сомнением ответила она. – На уроках истории... Война Кореи с Японией, подвиг корейского флота, адмирал Ли Сунсин... Послушайте, это уже смешно.

– Согласен, – кивнул Нагиль. Потом подошёл к дверям, рывком открыл их и рыкнул на стоящего снаружи стражника. – Чунсок, скажи Когтям, чтобы удвоили слежку за японским лагерем! Позови Ли Хона.

Он опустил голову к замершей Йонг и почему-то рассердился.

– Кажется, я знаю, почему Рэвон похитил из Священного Города женщину, – сказал воин. Его глаза подёрнулись красной пеленой, и на этот раз Йонг точно не показалось – в них плескались языки пламени.

4

Они медленно шли чуть впереди Йонг – бледный юноша с тёмно-зелёной повязкой на лбу, на которой красовался вышитый золотой нитью свившийся в узел дракон, и угрюмый больше прежнего воин с горящим взглядом. Это не было преувеличением: Йонг замечала, как отражение солнечного света в его глазах вспыхивает сильнее каждый раз, когда он поворачивает в её сторону голову.

«Голубую кровь» звали Ли Хон, воин откликнулся на полное имя Мун Нагиль. Ни одно из этих имён не было знакомо Йонг: значит, они не являлись ни исторически важными личностями, ни выходцами из благородных кланов. Эти двое показывали Йонг лагерь, будто она напрашивалась на экскурсию, и уверяли, что здесь ей не грозит ни один японец.

Их лагерь был небольшим, его обнимали горный хребет с одной стороны и густой выжженный лес – с другой. Забор упирался в спускающийся почти к центру лагеря склон, на вершине которого Йонг заметила крыловидную крышу с чёрной на фоне серо-голубого утреннего неба черепицей. Весь воздух был пропитан гарью, будто недавно здесь случился пожар.

– Японские войска захватили южную часть полуострова и продвигаются на север, но наш лагерь скрыт от них горным хребтом и густыми лесами, – говорил Нагиль отточенным до каждого звука тоном. Йонг слушала его вполуха, разглядывая плотным рядом составленные брусья ограды. Высоко, без подспорья не перебраться.

– Нас оберегает сила дракона, – добавил Ли Хон, и Нагиль наступил ему на ногу, пока Йонг не заметила.

– Врата в Священный Город в этот раз открылись на территории, отвоёванной самураями Тоётоми, – продолжил Нагиль. – Но я верну вас обратно. Как только выдастся благоприятный момент. И как только вы перестанете думать о побеге, госпожа.

Йонг запнулась от неожиданности и врезалась в спину замершего Нагиля. Ойкнула, сделала вид, что не понимает его последнего изречения, и вскинула голову. Он взглянул на Ли Хона, поймал его напряжённый взгляд и со вздохом протянул Йонг чёрный камешек – отполированную гальку неправильной круглой формы размером со сливу.

– Подержите, – попросил он тоном, который не предоставлял выбора. Йонг набрала в грудь воздуха, чтобы возразить, но Нагиль надавил: – Просто подержите, он не обожжёт вас.

Йонг с недоверием подняла руку. Горячий, нагретый теплом чужого тела, камень отражал блеск от ярко-голубого, почти белого неба, и лёг в руку Йонг, уместаясь на дне её ладони.

– И что это?

– Ничего.

Камень скользнул с руки Йонг обратно к Нагилю и затерялся в складках его чонбока, напоследок ярко блеснув. Очевидно, это не подарок, решила она, глядя в отчего-то сердитое лицо Нагиля. Не больно-то и хотелось. Смотреть ему в глаза было неудобно и неловко, и она повернулась к Ли Хону.

– Давайте-ка ещё раз, – попросила Йонг чуть злее, чем следовало. Ли Хон обернулся. Они шли мимо амбара, мимо деревянных построек меньше главного дома, в котором переодевались в лёгкие одежды воины, и приближались к воротам, охраняемым двумя стражниками. Ли Хон и Мун Нагиль рассказывали ей невероятные вещи: будто в стране война с японцами, будто те хотят завоевать их. Будто Ким Рэвон служит японскому генералу.

– Меня протащили через чёрную дыру, – медленно повторила Йонг, намеренно избегая упоминания сонбэ, и Ли Хон закивал, прикрывая глаза, – которую вы тут называете вратами в Священный Город, и я оказалась в Чосоне. В шестнадцатом веке в Чосоне. Прямо посреди войны с Японией.

– Она на удивление быстро схватывает, – высказался Ли Хон. Йонг перевела на него потухший взгляд, и тот поперхнулся воздухом. – Это поразительно. Ты знаешь наш мир!

– А люди, которых прежде приводили в *ваш мир*, ничего про вас не знали?

Ли Хон покачал головой. Это сбивало с толку: Йонг уже решила, что чёрная дыра, через которую она прошла вместе с Рэвоном, привела её в прошлое – другие люди, о которых ей говорили и японцы, и эти двое, должны были знать про Имджинскую войну.

Но Ли Хон сказал, что гостей было двое, и ни первый, мужчина, ни второй, подросток, про их страну и войну с Японией ничего не слышали. Подростка Йонг могла понять – сейчас они все мало что помнили из истории родного государства, но первый мужчина должен был знать о прошлом чуть больше.

Йонг прижала руки ко лбу, чтобы успокоиться. Она пыталась медленно дышать, делать вдох на четыре такта и выдох на шесть, как учили их приезжающие в институт уджуины¹⁷, но знаменитая техника не работала – от яркого утреннего света перед глазами всё плыло, и непокрытая голова нагревалась быстрее, чем тело справлялось с терморегуляцией. Не каждый день человек из двадцать первого века проваливался в средневековую войну за путь к Китаю.

Насколько Йонг помнила, война с Японией, в которую Корея оказалась втянута, изначально затевалась ради вторжения в Китай. Японские войска пришли на территорию Корейского полуострова с требованием обеспечить им свободный проход до Поднебесной. Корея отказалась помогать японцам, потому что боялась опустошения: у корейских войск не было ни мощи, ни достаточной подготовки, чтобы противостоять японским силам, если бы те начали разграблять земли Чосона.

Верхушка корейской армии состояла из аристократов, не готовых к реальным боевым действиям, и учёных мужей, которые знания ценили выше силовой подготовки. Пехота была слабо вооружена, пехотинцы носили китайские шлемы и шляпы, но не имели доспехов. Они хорошо и далеко стреляли из лука, но в ближнем бою проигрывали и в опыте, и в численности. К войне с Японией страна была не готова. Чосон рассчитывал на помощь Империи Мин.

– Тот человек, *Тоётони*, сказал, что страной управляет дурная династия, – остановившись, вспомнила Йонг и тут же пожалела, что рассуждает об этом вслух. Мун Нагиль смерил её очередным взглядом, за которым скрывались духи их знают какие мысли. Йонг не нашла в себе смелости смотреть ему прямо в глаза. – Как зовут нынешнего короля?

– Его величество, – даже не смутившись, ответил Ли Хон вместо Нагиля. Йонг сердито поджала губы.

– Нет, имя, имя у короля какое? Ах, вы же не назовёте...¹⁸ – Она не заметила, что Ли Хон и Нагиль снова переглянулись и одинаково пожали плечами. – Если сейчас идёт война с Японией, значит, на дворе приблизительно тысяча пятьсот девяностые...

– Тысяча пятьсот девяносто второй на самом деле, – вклинился в её бормотания Ли Хон. Йонг махнула рукой в его сторону – *помолчите, пожалуйста, не до вас*. Ли Хон отодвинулся с самым обескураженным видом.

– Нет, так я не вспомню... Какой ван¹⁹ по счёту правит Кореей?

– Четыр... надцатый, – с запинкой ответил Ли Хон. Йонг кивнула и начала загибать пальцы и нараспев считать:

– Тхэ, Джон, Тхэ, Сэ, Мун, Дан, Се, Йе, Сон, Ён, Джун, Ин, Мён, Сон...²⁰ *Сон!* Сонджо, значит?

¹⁷ Так в Южной Корее называют космонавтов, буквально переводится как «космический знак».

¹⁸ Обращаться к королю по имени могли только равные ему, а называть его публично по имени было запрещено ещё и по религиозным соображениям: королевские имена считались священными.

¹⁹ Титул правителя в странах китайского культурного влияния.

²⁰ Корейская считалочка, с помощью которой дети запоминают имена королей династии Чосон: первые слоги имён указаны в исторической последовательности, так легче вспомнить, кто за кем правил.

Ли Хон и Нагиль молча кивнули, Ли Хон больше не улыбался.

– Откуда ты всё это... Ты шаман? Связываешься с духами?

По урокам истории и экскурсиям мамы Йонг помнила, что японские войска продвигались по территории Кореи стремительно и за пару месяцев смогли отхватить себе большую часть страны. Король Сонджо бежал на север вместе со своей свитой, пока генералы корейской армии сдерживали натиск японцев.

К тому моменту Китай уже вёл войну с монголами и подавлял восстание на юге страны, а потому криков о помощи от династии Чосон не услышал. Или не поверил, если полагаться на исторические трактаты: военачальники Китая посчитали провокацией известие о том, что японские войска захватили почти весь Корейский полуостров за столь короткое время.

Но здешний генерал Тоётоми сказал, что страной управляет династия королей, убивающая наследников. Насколько мог быть прав человек, посягающий на чужую страну, когда называл Чосон своими землями?

Больше всего смущала причастность сонбэ ко всей этой истории. Йонг не всё знала о его прошлом, но и в страшных фантазиях не могла бы представить, что он может провернуть такой трюк ради того, чтобы показать свою девушку этому... кем он там ему приходился?

– А откуда... откуда вам столько известно про японского генерала и его помощника? – осторожно спросила Йонг, чувствуя, как набухает в груди сердце. От страха, злости из-за этого страха и злости на сонбэ. Где бы он ни был, ему стоило бы явиться за ней сюда немедленно и забрать в знакомый мир, в Пусан двадцать первого века.

Нагиль и Ли Хон переглянулись, пока Йонг пыталась справиться с собой, и ответили с заметной паузой.

– Скажем так, он считает себя вассалом Тоётоми, но родился в Чосоне.

– Мы не знаем этого наверняка... – вяло запротестовал Ли Хон; Нагиль бросил на него предупреждающий взгляд, и тот умолк.

– Сонбэ на самом деле вассал японского генерала? – тихо повторила Йонг, с видимым усилием пытаясь собрать расплывающиеся мысли в кучу. Святые духи, ну что за бред... Она мотнула головой, и Нагиль вздёрнул одну бровь, а Ли Хон повернулся к Йонг.

– Это Ким Рэвона ты зовёшь сонбэ? – переспросил он и хмыкнул.

Йонг окинула «голубую кровь» сердитым взглядом, тот осёкся на полуслове. Поджал губы, повернулся к Нагилю за поддержкой, но получил лишь молчаливое сопротивление.

Сонбэ не сидел в соцсетях и не пользовался чатами, предпочитая звонить. Йонг считала это милой особенностью, но теперь всё обретало иной смысл – правдоподобный и оттого пугающий. Она помотала головой. Нет, прочь пока мысли о сонбэ.

– Значит, японский генерал, Тоётоми Хидэёси, в сговоре с...

– Хидэёри, – поправил Нагиль. – Его сын.

Это не соответствовало истине, той истине, по крайней мере, которая была известна Йонг. Она нахмурилась, снова схватилась за виски. Войну с Кореей затеял Тоётоми Хидэёси, талантливый полководец, объединивший Японию. На момент войны его сыну было меньше десяти, а в гостевом доме с Йонг разговаривал человек, проживший не один десяток лет. Выглядел он старше сонбэ, но морщин на лице Йонг не заметила, лишь пару седых волос на висках.

Получается, местному генералу было около тридцати-сорока... Как такое возможно?

– А его отец... – неуверенно начала Йонг и замерла, задумалась. – Его отец, разве не он возглавляет японскую армию?

– Его отец умер прямо перед вторжением, сейчас сын продолжает его дело и успешно продвигается в глубь страны.

Это расходилось с тем, что знала Йонг. Она начинала думать, что не просто попала в прошлое, а оказалась втянута в исторический период с какими-то нелепыми изменениями в сценарии. Или, может, историки ввалили потомкам?

Испытывая не самые приятные ощущения, Йонг всмотрелась в лица стоящих напротив неё Нагиля и Ли Хона.

– Он сказал, что освобождает земли страны от дурной власти. Может быть, это вы мне врётё, выдавая себя за защитников Чосона?

Нагиль усмехнулся – дёрнул губой, слишком поздно отвернувшись, и Йонг это заметила и нахмурилась. Слишком неприметный для капитана всех этих воинов, слишком скрытный для благородного рыцаря, готового защитить девушку, попавшую в беду. Впрочем, Йонг не могла судить объективно, сверяясь лишь с саггками и образом, созданным красавчиком Ли Минхо, – и сейчас она хотела получить не эфемерную защиту, а ответы на бесконечные вопросы.

– Тебя в чужую страну затащил помощник японского генерала, а ты собралась им верить? – уточнил Ли Хон и скрестил руки. – Рэвон, конечно, красавчик, но не настолько, чтобы затмевать правду своим тщеславным профилем.

– Прекрати, ваше высочество.

Ли Хон умолк и прожевал последние возмущения, пока Йонг всматривалась в его лицо и хмурилась, находя его черты слишком утончёнными для простого воина. Ваше высочество? Не зря же она сравнила его с учёными из Сонгюнгуана, не был он простым человеком, попавшим в жерло войны.

– Ли Хон – твоё... ваше полное имя? – сощурившись, осторожно спросила Йонг. Ли Хон взглянул на неё и вдруг просиял, выпрямился, раздувая ноздри.

– К твоим услугам, госпожа. Это мои благородные родственники разграбили страну, а теперь сбежали на север просить помощи у династии Мин.

– Ты... вы сын короля? – не поверила Йонг.

– Так точно, – кивнул он и поклонился, продолжая улыбаться.

У короля Сонджо долго не было наследника, и он назначил своим преемником внебрачного сына от наложницы. Его в итоге низвергли и не дали ни храмового имени, ни почётных посмертных титулов. Ему не нашлось места ни в королевской династии, ни в летописях королевского двора. Вот почему Йонг не вспомнила его сразу.

Ли Хон, улыбающийся так, словно никогда в жизни не знал никаких бед, был похож и не похож на выходца из королевской семьи. Он выглядел опрятнее своего молчаливого друга, держался ровнее, но среди стражников, одетых в простую одежду, казался не будущим королём, а их немного свихнувшимся предводителем.

– Японцы считают, вы мертвы, – вспомнила Йонг, и Ли Хон несколько не удивился.

– Да, и в этом моё преимущество. Сохрани это в секрете, госпожа, договорились?

Он подмигнул, Нагиль закатил глаза.

Йонг осмотрелась снова: просыпающиеся стражники расходились по своим постам и сменяли своих ночных соратников, факелы тушились через один, весь лагерь готовился к новому дню, словно не произошло ничего страшного. Словно таких, как Йонг, здесь видели уже много раз.

– Передо мной было ещё двое попаданцев, – заключила Йонг, пока Нагиль отдавал приказы своим воинам, Когтям Дракона – символично, подумала она мимоходом, и пафосно. – Попаданцев привёл сюда Ким Рэвон, а вы выкрали их у японцев и вернули в Священный Город?

– Ну, японцы, они... – то, как замялся Ли Хон, Йонг наконец-то отметила и в который раз подумала, что ему и капитану драконьего войска верить полностью нельзя.

– Что это значит? – спросила она. Ли Хон строил из себя высокомерного выходца из благородной семьи, каким и являлся, но Нагиль был воином, который отдавал приказы так же

часто, как и исполнял их. Поэтому Йонг потянулась за ответом к Нагилью и повторила свой вопрос: – Что это значит?

– Мы вернули домой первого человека, мужчину в странном костюме с атласной верёвкой на шее, – сухо ответил Нагиль. У Йонг снова кружилась голова и резко захотелось пить. – Но теперь Рэвон привёл вас.

– Погодите-ка, – остановила его Йонг, вскинув руку. Острый страх, оставивший её где-то на пороге гостевого дома японцев, снова настиг Йонг, отыскивал среди густых лесов в лагере чосонских воинов и забрался через рот в лёгкие, расцарапав при этом горло. – Первого вернули, а второго? *Что случилось с подростком?...*

Нагиль и Ли Хон одновременно опустили головы.

– Ответьте! – потребовала Йонг, срываясь на шёпот.

– Он погиб, – процедил Нагиль, вскинув на Йонг злой взгляд.

Говорить себе «проснись» больше не имело смысла, как и щипать себя за руки. Йонг посмотрела на Нагилю – побледневшее смуглое лицо, в глазах отражается неяркий луч утреннего солнца, сведённые к переносице брови, покрасневшие от злости скулы. Он сжимал меч одной рукой, и тот дрожал в нагреваемом поутру воздухе.

– Кого ищет сонбэ? – просипела Йонг, стараясь больше не давать волю слезам. – Кто нужен японцам? Кто такой ханрю?

Ли Хон отвернулся, сделал несколько нервных шагов из стороны в сторону. Нагиль молчал и смотрел прямо на Йонг тем самым взглядом, который она увидела в первый раз: сдержанным, злым, виноватым, словно ждал от неё удара в спину за проступок, о котором Йонг знать не могла.

– Дракон, – наконец ответил он. Йонг охнула. Что?... – Японцы ищут дракона.

* * *

– Это же метафора, верно? – уточнила Йонг. – Там, откуда меня привёл сонбэ, нет драконов.

Нагиль вспыхнул и отвернулся от неё, будто рассердился – впрочем, эту единственную эмоцию он демонстрировал на протяжении всего утра, другого выражения на его лице Йонг не замечала. Злость, и злость, и ещё ярость, когда он общался со стражниками: ругал их за что-то, за простой или за то, что ушли с постов – «Чунсок, смени патрули, почему они у тебя такие жалкие!».

– Это не смешно, – повторила Йонг. – В будущем нет драконов. И в Чосоне, раз уж на то пошло, нет драконов, в летописях и исторических книгах остались бы свидетельства...

– Но ты уже столкнулась с ним, – напомнил Ли Хон. Йонг его проигнорировала. Она решила, что ей всё привиделось. В этом мире ей много что могло показаться странным – да всё, *всё* тут казалось ей странным, – и летающий дракон, прямо как на старинных картинах мифологических, ненастоящих сюжетов, он ей тоже почудился или приснился, или... Она вспомнила огромные когти и блеск драконьей чешуи в свете факелов, крики японцев и свой собственный – и поёжилась, обхватив себя руками за плечи.

– Давайте вернёмся в дом, – сказал Нагиль. – Госпожа, не время упрямитесь.

Они пришли в гостевой дом, заполненный сонными стражниками. Нагиль подозвал к себе того беднягу, который уже получал по шее от своего командира пару раз – и это только при Йонг. Не задался у него день, отстранённо подумала она, мазнув по стражнику едва заинтересованным взглядом.

– Это Чунсок, – представил его Нагиль. – Он присмотрит за вами, пока меня не будет.

Стражник встал перед Йонг, поклонился и, хмуро осмотрев её с ног до головы, сплюнул в сторону пару шипящих звуков.

– Чунсок! – предупредил его командир. Тот кивнул, явно не чувствуя вины, и жестом позвал Йонг в сторону уже знакомой ей лестницы на второй этаж.

– Что происх... – начала она, и Ли Хон поспешил объясниться раньше остальных:

– Нагиль осмотрится и сообщит, когда путь до врат будет свободен. Мы вернём тебя, как только японцы ослабят контроль над сосновой рощей у моря.

Нагиль уже отдавал приказы своим воинам, менял местами патрульных, ставил юношей помоложе – боги, да им и двадцати нет! – к основным воротам, а тех, что постарше, к дверям домов. Нагиль уже кивал девушкам в одинаковых платьях, и те убирали волосы под тёмно-зелёные повязки и снимали верхние одежды, оставаясь в одинаковых тёмно-серых рубашках. Под юбками у них были мешковатые штаны.

– Они...

– Наши лучшие лучницы, Дочери, – объяснил Ли Хон. Молчаливый Чунсок игнорировал Йонг и смотрел поверх неё на сборы отряда девушек. Те перекидывали через плечи длинные луки и небольшие колчаны со стрелами, проверяли тетиву.

– Дочери? – не поняла Йонг.

Одна из них подняла голову, заметив на себе пристальный взгляд, и отчего-то покраснела и поклонилась. Йонг неловко склонила голову в ответ и тут же отвернулась.

– Те, кто потеряли мужей, отцов и братьев в первую войну, – пояснил принц. Йонг попыталась вспомнить, какую войну имеет в виду его королевское высочество, и не смогла. Такой не происходило, насколько ей было известно.

– Вернитесь в комнату, – попросил Чунсок, но недостаточно уверенно, чтобы привлечь к себе внимание. Йонг всё ещё топталась на первом этаже дома, наблюдая за внезапно ожившими воинами. Казалось, никто в этом лагере не сомкнул глаз всю ночь, хотя они просто сменяли друг друга, как только кто-то уставал, а под пристальными взглядами командира взбодрились и окончательно оставили мысли о сне на постах.

Здесь было больше людей, чем Йонг изначально показалось, и теперь она чувствовала себя в *безопасности* – не в той, о которой пол-утра повторял Нагиль, но в плотном коконе из воинов, ограждающих её от внешнего мира. Каким бы тот ни был. А тот был непростым, населённым драконами и духи их знают какими ещё мифическими чудовищами.

То, что Йонг видела одного дракона, не значило, что она поверила в его существование, но Мун Нагиль заверил её, что монстр подчиняется им, корейскому отряду, окружённому вражескими войсками на краю чосонского полуострова.

Не потому ли, что с ними был Ли Хон, королевский сын?

– Вы слышали Чунсока, – окликнул её Нагиль. Йонг вздрогнула и отвлеклась от своих мыслей.

– А?

– Вернитесь в комнату и ждите нас. Поешьте. Я осмотрюсь и приду за вами, это не должно занять больше пары часов.

– А можно мне...

– Госпожа, – Нагиль протянул к Йонг руку и схватил за локоть – нежно, несильно – и тут же резко разжал пальцы, будто обжёгся. Опустил взгляд вниз на её обутые в сандалии ноги, нахмурился. Ну да, брючный костюм – не то, что обычно носят в Чосоне. Но штаны на женщине вообще не должны смущать человека, который командует женским отрядом лучниц...

– Немногие здесь знают, что вы не местная, мои воины считают вас сбежавшей от Тоё-томи пленницей, – сказал Нагиль. – Для всех будет лучше, если вы будете поддерживать эту легенду.

Йонг потёрла нагревшийся от его руки локоть и недовольно поджала губы. Ведёт себя всё страннее и страннее, ей точно не стоит доверять этому скрытному человеку.

Он кивнул Чунсоку, взглянул на Ли Хона и ушёл вместе с женским отрядом воительниц, и Йонг растерянно наблюдала за тем, как их фигуры скрываются за воротами постоянного двора.

Мун Нагиль и двенадцать тоненьких, как тростиночки, женщин. Должно быть, они действительно были лучшими лучницами, раз все мужчины уверенно отпускали их на разведку.

– Не волнуйся, – сказал Ли Хон. – Нагиль знает, что делает.

Йонг наблюдала за ними, раздумывая, будет ли побег прямо из лагеря, пока отсутствует бдительный Нагиль, такой уж глупой идеей? Капитан и лучницы уходили пешком, а вернуться он обещал через пару часов: значит, врата в Священный Город – то есть в её мир, в будущее, *очнись*, Сон Йонг! – были не так далеко от лагеря, как она полагала. Может быть, она сможет...

Её предупредили, что врата охраняют японцы, которые уж точно Йонг просто так не отпустят. Нагиль утверждал, что ему ничего от неё не нужно, только вернуть домой – могла ли она поверить в это? Рэвон обещал спасти и что-то не торопился за нею, да ещё и японский *господин* ждал от Йонг сотрудничества... а один человек уже умер у него в плену.

Выводы напрашивались удручающие: верить свою судьбу полностью в руки ни одному, ни второму, ни – уж тем более – третьему Йонг не собиралась.

Ей принесли поесть – всё тот же щуплый мальчишка по имени Ган с растрёпанными грязными волосами спустился со второго этажа с забытым подносом и поставил перед ней на лавку. Пришлось сесть и, игнорируя и почти безвкусную кашу, и её неприятную липкую текстуру, съесть вместе с Чунсоком и Ли Хоном невыразительный завтрак. Йонг заметила у стражников хурму, попросила у своего хмурого надзирателя и себе хотя бы половинку фрукта, но удостоилась только очередного проклятия на неизвестном языке. Ну и пожалуйста.

Еда была отвратительная, но утолила голод – Йонг и не заметила, насколько проголодалась, пока не съела всю миску. «Когда вернусь, пропью детокс-курс», – подумала Йонг, глядя на своё отражение в мутной воде и, зажмурившись, выпила всё до дна.

После завтрака мысли о побеге привлекали её гораздо меньше, бегать и прятаться от чосонских воинов не было сил.

– Я хочу осмотреться, – сказала Йонг, окончательно бросая идею сбежать из лагеря прямо сейчас. Чунсок вопрос проигнорировал, и она направилась к выходу из гостевого дома сама.

– Капитан приказал вам оставаться в комнате! – сообразил хмурый стражник, преграждая Йонг путь.

– Брось, да что тут может случиться? – поддержал Йонг Ли Хон и тоже пошёл за ней следом. Чунсок возражать принцу не стал, но всё равно буркнул что-то, похожее на «вас покарают вонгви²¹».

Йонг обошла его, не преминув задеть плечом.

– Я просто осмотрюсь, – бросила она. *Всё равно я уйду отсюда через пару часов.*

Втроём, вместе с принцем, они прошли мимо амбара и свернули к тропе, ведущей вверх по склону, прижатому к забору вокруг лагеря. Выступающий за пределы огороженной территории бок его был выжжен – казалось, совсем недавно: под сандалиями хрустели чёрные листья и шурило крошево из травы и земли, пахло гарью, пеплом и песком. Йонг поднималась вверх к замеченной ранее крыше небольшого строения, никем, кроме Чунсока, не преследуемая.

– Его приставили смотреть за мной или за вами, ваше высочество? – покосилась на стражника Йонг. Принц легкомысленно пожал плечами.

– Нагиль считает, что, пока ты находишься в нашем мире, тебе грозит большая опасность, чем мне. Так что, полагаю, Чунсок присматривает за тобой.

– Что, на меня натравят дракона? – фыркнула Йонг. Широкая улыбка на лице Ли Хона дрогнула, а затем и вовсе превратилась в угрюмую гримасу. Йонг не придавала этому значения.

²¹ Злые духи в корейской мифологии, души погибших насильственной смертью людей.

На неё по-прежнему оборачивались и с любопытством смотрели вслед, но внимания, какое ей уделяли в японском лагере, тут не было. Никто не шептал ей в спину «ханрю, ханрю!», никто не пытался проклинать, и даже молчаливо идущий следом Чунсок больше не плевался всякими шипящими звуками в её сторону. Похоже, здесь её появление действительно расценили как итог побега из японского плена – даже не особо замечали, в какой одежде она к ним попала, даром что брюки уже превратились в лохмотья.

К изогнутой крыше на вершине склона, которую Йонг заметила ранее, прилагались деревянные столбы, разрисованные поперечные балки и деревянные двери. Вместе с принцем и угрюмым стражником она поднялась на вершину холма и встала перед невысоким строением. Это была небольшая пагода, всего четыре столба в ширину; на стремящихся к небу углах крыши сидели фигурки духов, охраняющих это место: черепаха, феникс, единорог и дракон. Последний был нарисован на деревянных дверях, а на столбах вытесан феникс с длинными размашистыми крыльями. Птичий же символ красовался над входом в пагоду.

В голубое небо от крыши текла, закручиваясь в полукольца, тонкая струйка дыма.

– Это храм, – заключила Йонг вслух. Ли Хон улыбнулся.

– По крайней мере, пытается им быть. Хочешь войти?

– Это запрещено! – тут же ошетинился Чунсок и даже выступил перед Йонг, отрезая ей путь к дверям храма. Она окинула стражника сердитым взглядом. Ну и упрямец, чем она ему насолила?

– К сожалению, он прав, – согласился Ли Хон. – Лан не любит чужаков, и мы пришли к ней без приглашения.

– К ней?

– Однажды она вытолкала меня за дверь вонючей метлой, – закивал принц. – Я чуть не переломал себе все кости, пока летел с холма в лагерь. Лан никого не пускает в свой храм просто так, настоящая мудан²². Подозреваю, что её имя пишется вовсе не иероглифом «мир»²³ – там точно есть «зло» или «дьявол».

– Или «тхэджагви»²⁴, – неожиданно добавил Чунсок. Йонг и Ли Хон посмотрели на него с одинаковым изумлением, и он спешно натянул на лицо прежнюю маску хмурого безразличия.

– В любом случае, – с заметной паузой продолжил принц, – в храм тебе не дадут и шагу ступить, пусть ты и юджон-ёнг.

Йонг обошла храм по периметру, держась на расстоянии от его стен, и вернулась к принцу и Чунсоку.

– А она фанатка драконов, – сказала Йонг. Ли Хон и Чунсок переглянулись и одинаково пожали плечами.

– *Фанат-ка?* – переспросил Ли Хон с сомнением. Йонг кивнула.

– Ага. Тащится по драконам, все стены ими расписала. – Она повернулась к принцу, заметила его недоумевающий взгляд. – Ох, ну с ума сходит. *Влюблена* в них.

– А-а... – сообразил наконец его высочество. – Нет, вовсе нет. Сомневаюсь, что Лан способна испытывать человеческие эмоции хоть к кому-то из людей.

– А я не про людей говорила, – возразила Йонг, склоняя голову, чтобы лучше рассмотреть изображение змееподобного существа на храмовых дверях и ставнях. Вырезанные на двух столбах силуэты птицы были аккуратными и тонкими, а ещё старыми, затёртыми от времени,

²² Тип шаманов в Корее, сравним с русскими ведьмами и ворожеями. Функции мудан выполнялись в основном женщинами: даже мужчины-шаманы во время выполнения обрядов мудан переодевались в женские одежды.

²³ Лан означает «мирная». Корейский алфавит появился в Чосоне только в 1443 году, до этого времени корейцы пользовались китайской письменностью и, следовательно, знали значения иероглифов, которые использовали в написании своих имён. Эта практика сохраняется и по сей день: многие корейцы знают, как пишется их имя китайскими иероглифами, и могут сказать, что оно значит.

²⁴ В корейской мифологии – дух умершей от оспы девочки, который предсказывает будущее.

а вот чёрные рисунки дракона выглядели свежими – с потёками краски от широкой кисти, которой водили по дереву второпях.

– Обычно Лан отводят шатёр в лагере, – пояснил Ли Хон, видя интерес Йонг, – но в этот раз нам повезло оказаться у храма Огня, и она его обновила. Ну, как могла.

Храм Огня, значит. Потому тут весь склон выжжен, саркастично решила Йонг, осматриваясь.

С того места, где она стояла, лагерь просматривался как на ладони: окружённый небольшими постройками главный дом, большой пустырь у лесной дуги, за которой текла река. То тут, то там на земле попадались чёрные мазки, будто тот, кто разрисовывал двери храма, провёл и по вытоптанной почве широкой кистью. Как и говорил Нагиль, лагерь был хорошо скрыт от чужих глаз – если, конечно, японцы не намеревались напасть со стороны гор, верхушки которых украшали снежные шапки.

Сейчас, возвышаясь на склоне над маленькими фигурками стражников в лагере, выстроившихся в шеренги на пустыре, наблюдая, как солнце выкатывается на небо из-за серо-розовых низких облаков на востоке, которые в полночь проливались дождём, а теперь испарялись в нагреваемом воздухе, Йонг чувствовала себя оторванной от собственного тела. Казался почти неправильным тот факт, что вот-вот она вернётся в свой мир через загадочную чёрную дыру – которую потом обязательно исследует со своей стороны! – и снова станет собой, сотрудницей космического института, подругой, коллегой, дочерью... в мире, где об Имджинской войне знают из книжек, а стоящий рядом с Йонг Ли Хон не запомнился потомкам.

И где нет никаких драконов.

Неприятно тянуло в груди, а потом очередной глубокий вдох оборвал это чувство – будто порвалась невидимая нить, о которой Йонг и не подозревала.

– Нам пора возвращаться, – сказал Чунсок недовольным тоном – точно с нетерпением отсчитывал про себя минуты, проведённые ими на склоне у закрытых дверей храма. Ли Хон покивал, воровато осматриваясь, и позвал Йонг.

– Точно, давайте не будем попадаться на глаза Лан. Скоро вернётся Нагиль.

«И я покину это место и это время», – мысленно договорила Йонг и последовала за принцем и бурчащим о духах стражником вниз со склона.

Они спустились по тропе обратно в лагерь; Йонг наблюдала со стороны, как воины, одетые в одинаковые чёрные чонбоки с зелёными тонджонами, оттачивают взмахи меча под ритмичные удары барабана и рычащие приказы стоящего во главе шеренг человека, такого же воина.

– И и Ци, – объяснил замершей Йонг Ли Хон. Он встал рядом с ней, заложил руки за спину и продолжил, растягивая звуки: – Энергия и Намерение. Победа внутреннего над физическим. Ты знаешь, это довольно сложная техника, если...

– Юджон-ёнг не обязательно это знать, – тихо сказал за спиной принца Чунсок, и, обернувшись, Йонг заметила, как покраснели его скулы. Ему не должны теперь рот зашить за подобное обращение к королевскому отпрыску? Но Ли Хон принял его слова к сведению и даже не стал возражать.

– Пойдём в дом, – кивнул он, – дождёмся Нагиля с Дочерьми, и тогда...

Ждать пришлось недолго: со стороны леса раздался свист, главные ворота лагеря распахнулись, и Нагиль ворвался во двор, держа наготове меч. Капитан осмотрелся, заметил Йонг рядом с принцем и побежал к ней. Она невольно отшатнулась, когда он замер в полуметре от неё: весь в пыли, волосы всклокочены, тяжело дышит.

– Что слу...

– Вам надо переодеться, – выдохнул Нагиль. – *Сейчас же.*

Едва он договорил, блузка на Йонг начала тлеть, будто её подожгли изнутри, и нити на рукавах поползли вдоль рук и ног.

5

– Что происх... – Йонг взглянула на расплзающиеся рукава и подавилась воздухом. На истрёпанных брюках тоже расцветали тёмные пятна – как бумага, попавшая в костёр, одежда на ней пошла лоскутами, таяла прямо на глазах, превращаясь сперва в пепел, а потом исчезая в воздухе.

Нагиль бросил меч Чунсоку, кинул за спину: «Дарым, найди ей ханбок!» – и схватил Йонг за запястье, уже освободившееся от блузки.

– Идите за мной, – почти прорычал он и потянул Йонг в сторону постройки рядом с большим гостевым домом.

– Что это... почему... – лепетала Йонг, спотыкаясь на каждом шагу. Нагиль протащил её мимо подоспевших лучниц; одна открыла перед ним дверь постройки, в которую Йонг просто втолкнули.

– Дарым даст вам одежду, – сказал Нагиль, – будьте благоразумны и не кричите, пожалуйста.

Йонг и не собиралась *кричать*, её всю сковал шок, запечатал рот: рукава на блузке отвалились с тихим шорохом и истлели, не достигнув земли, пуговицы лопнули, с плеч потекла ткань. Йонг ухватилась было за остатки одежды на себе, но та растаяла прямо у неё в руках.

Дверь за ней закрылась, отрезая от любопытных взглядов драконьего войска, его капитан остался снаружи. Скользящая в помещение лучница заметалась вдоль стен, с грохотом распыхнула пару сундуков и вытянула оттуда тряпки. Пока Йонг прикрывала руками ещё не исчезнувшие остатки нижнего белья, в ужасе шарахаясь из одного угла в другой, лучница выложила на крышки сундуков едва ли не весь гардероб чосонской женщины.

– Я помогу одеться, стойте смиренно, – бросила она и протянула Йонг тряпки – сероватый соксогот и годженги такого же цвета.

Йонг выглянула из-за балки, едва закрывавшей её от лучницы, и осталась стоять на месте.

– Они чистые, – уточнила лучница, кривя губы.

– Нет, я не...

– Вы совсем нагая, – раздражённо надавила та. Йонг, одетая только в выдавшие виды сандалии и стыд, сковавший внезапно голое тело, кое-как вытолкала себя из укрытия и тут же села, пряча грудь и живот, покрытые мурашками. Лучница протягивала ей нижнее бельё и нисколько, похоже, не смущалась её вида.

Пришлось подчиниться. Затянуть дрожащими пальцами завязки от чосонских трусов на поясе и вдеть грязные пыльные ноги в подштанники. Ткань топорщилась и неприятно натирала кожу – о комфорте современного нижнего белья не могло быть и речи. Йонг встала, цепляясь за растворяющееся в воздухе, точно её одежда, собственное достоинство, и протянула руки к чёрным паджи и чогори с нижней блузкой. Лучница ждала, когда Йонг оденется, потом подала ей чёрный же пояс.

– Штаны велики, – заключила она, когда девушка кое-как перевязала широкую, не по размеру, чогори и осталась стоять перед ней карикатурой на чосонского воина. Будто наряд старшего брата натянула, невольно подумала Йонг, пока лучница деловито поправляла на ней паджи, утягивая щиколотки простым шнуром, чтобы штанины не подметали пол.

– А моя одежда... – начала Йонг, но лучница её перебила:

– Ходите в этой. Чхимы нет, но вы, кажется, и в штанах прекрасно себя чувствуете.

В её голосе звучало неприкрытое раздражение или недовольство – или же неприятие появления нежданной девицы среди обычных воинов, – и Йонг прикусила язык, сминая в руках подол длинной чогори. Ткань была жёсткой и колола кожу.

«Лён, – подумала Йонг, – у простых людей вроде этих вся одежда была из льна, никакого тебе красивого шёлка и рами²⁵». Вспоминать историю и быт чосонских людей, про которых мама рассказывала на своих экскурсиях многие годы, было куда проще, чем думать о том, что на Йонг буквально исчезла одежда, сгорела, не оставив следа, будто её и не было. А красивая комбинация из нежнейшей ткани? Ох...

Йонг опустила на лавку у двери, невидящим взглядом уставилась в деревянную стену. Лучница убрала нижнюю юбку и посоны в дальний угол, окатила Йонг ещё одной порцией раздражения и кивнула в сторону выхода:

– Капитан будет ждать вас у себя.

– М-м.

Дверь за ней с грохотом захлопнулась, Йонг осталась внутри постройки одна. Здесь вдоль стен тянулись широкие лавки с перегородками, похожие на лежанки в казармах, под крышей сквозь круглое окно внутрь лился слепящий белый свет. Пыль в его лучах искрилась, казалось, будто это пляшут перед глазами Йонг мельтешащие точки, возвещающие о скором обмороке.

– Это всё совсем не Чосон, – пробормотала Йонг и опустила усталую голову на колени. В горле жгло, болело в груди. Нестерпимо хотелось плакать, рыдать навзрыд; словно лопнул пузырь неверия, в который Йонг спряталась, чтобы и дальше отрицать своё нахождение в чужом – не времени даже, *мире!* Она шумно втянула ртом прохладный, не прогретый в помещении воздух и выдохнула.

Нет, ну уж нет. Плакать сейчас она не станет. Сперва разберётся с беспардонным капитаном этого мифического войска, а потом только решит, стоит ли ей устроить истерику прямо перед ним или же забиться в какой-нибудь тёмный угол и там нареветься вдоволь.

Йонг встала, пошатнувшись, смахнула невидимую пыль с пахнувшей каким-то илом чогори и мятых паджи и вышла, решительно толкнув дверь. Та распахнулась, ударилась о стену и с визгом закрылась за спиной.

Капитан будет ждать её *у себя*? Отлично, Йонг найдёт пару слов для его важной персоны.

Все воины разбрелись по своим постам, некоторые переговаривались между собой у амбара и косились на Йонг, с решительным видом шагающую по двору. Где искать господина Нагиля? У себя – это в капитанской ставке? Уходящее в зенит солнце уже нагрело подпалённую землю, тепло проникало сквозь тонкие сандалии в ступни, насыщало тело. Или же то была злость, набухающая в груди, словно калёное железо.

– Где мне найти Нагиля? – спросила Йонг у проходящего мимо воина. Тот вздрогнул и чуть не выронил из рук кадку с водой.

– Простите?

– Мун Нагиль, – повторила Йонг. – Где он сейчас?

Тот покраснел, потом побледнел.

– У с-себя. – Он закашлялся, повернулся в сторону небольшого одноэтажного строения рядом с гостевым домом. – Вон там, это...

– Спасибо, – быстро кивнула ему Йонг и почти понеслась, срываясь с шага на лёгкий бег, к капитанской казарме. Оставшийся с водой воин дёрнулся было за ней, но передумал.

– К-капитан сейчас не принимает, у него Когти...

Когти, зубы, да будь он хоть целым драконом – Йонг отмела все возражения и шагнула к закрытым дверям постройки. Остановилась, выдохнула, зачем-то поправила волосы, надеясь мимоходом, что их ещё можно спасти масками и любимым шампунем.

За дверью её ждал узкий коридор с деревянными колоннами, на которых намалевали чёрной краской силуэты змееподобного существа и линии, похожие на триграммы древнекитай-

²⁵ Традиционная корейская ткань ручной работы, из которой шили одежду богатым людям в Чосоне.

ских философов. Йонг осмотрелась, внезапно чувствуя себя незваным гостем, вторгающимся в чужую обитель. Глупости! *Капитан ждёт её*, верно?

Она прошла вдоль колонн и упёрлась в очередную дверь. Над ней той же смелой рукой был нарисован символ – инь и ян с чертами-яо²⁶ вокруг них. «Разве обереги от злых духов не на бумаге рисовались? – подумала Йонг. – Или на персиковых косточках...»

Потянуться к дверной ручке она не успела: услышала голоса и замерла. Говорили о ней.

– ...ей здесь не место.

– Она останется, пока Бездна не откроет Глаз снова.

Это был голос Нагиля, низкий, обрывающий слова на выдохе. За дверью шагал туда-сюда ещё один человек.

– Мы должны прогнать её, – сказал он сердито.

– Мы не станем этого делать.

– Почему? Капитан, её присутствие здесь опасно, вы сами знаете!

Йонг нахмурилась, сжала пальцы, взгляд заметался по старым доскам двери. Не эти ли люди взяли на себя обязательство доставить её к чёрной дыре и отправить домой?

– Лан должна разобраться с этим, – сказал Нагиль. – Она поговорит с духами, скажет, когда ворота откроются вновь, и мы вернём юджон-ёнг обратно в Священный Город.

– Вот именно! – второй человек повысил голос, что-то стукнуло в стену, обрывая его возмущение, – будто ударил меч. – Она *юджон-ёнг*, вам прекрасно известно, чем это может грозить всем нам!

– Она, – зашипел Нагиль, – всего лишь женщина, которой нужна помощь.

– Пусть японцы ей помогают, – возразил человек.

Раздался визг – так по дощатому полу скрипели ножки тяжёлого стула.

– Японцы убьют её, – ответил Нагиль. – Вот *это* мне прекрасно известно.

Йонг вовремя зажала рот руками, и испуганный вздох не успел слететь с губ и выдать её. Побег, мысли о котором она отодвинула на время, понадеявшись на каких-то чосонских воинов, снова замаячил яркими перспективами у неё перед носом. Да, сбегать одной и бродить по неизвестным лесам – плохая затея, но оставаться здесь, когда в любой момент её могут выгнать из лагеря или сдать японскому генералу, или *убить* – куда более пугающая возможность.

– Я понимаю твои опасения, – сказал ничего не подозревающий о лишних ушах Нагиль, – но решение своё менять не собираюсь. Она *всего лишь женщина*, Чунсок.

Чунсок выругался – снова неизвестные Йонг слова распорили воздух, точно хлыст, – и дверь перед её лицом резко распахнулась, являя взмыленного стражника. Он уставился на Йонг разъярённым взглядом, в котором ни злость, ни яростная враждебность больше не прятались за вынужденной скованной вежливостью.

– Что вы здесь делаете? – процедил он. Йонг отняла руки от лица и попыталась выпрямиться и стать перед ним выше, насколько хватало смелости.

– Подслушиваю, – честно призналась она.

За спиной Чунсока показался Нагиль – не злой, как его помощник, а удивлённый. Так смотрел пойманный с повинным человек, которому было что скрывать.

– Чунсок, – сказал он, не сводя глаз с Йонг, – *хаши*²⁷.

Стражник задел Йонг плечом, когда проходил мимо, её повело на негнущихся от испуга ногах и толкнуло прямо на Нагиля. Тот придержал её за плечи и тут же разжал руки. Чогори на Йонг нагрелась, такими горячими были у него пальцы.

– Проходите... госпожа.

²⁶ Особый знак, который используется при составлении триграмм и гексаграмм в представлении развёртывания вселенского бытия по китайской философии.

²⁷ «Иди», но также «вперёд» и «стрела» (*драконий язык*).

Все, что Йонг планировала сказать ему прямо в лицо, померкло перед невольно открывшейся ей правдой – или тем, чем обязаны были стать подслушанные речи, – и теперь она расхотела говорить с капитаном. Но обрывок разговора не рисовал ей всей картины, и Йонг подавила в себе нерешительность. Она шагнула в комнату, услышала скрип закрывающейся за собой двери, шаги Нагиля – тот обошёл её, пригласил сесть на стул перед широким столом, заваленным картами и оружием.

Йонг села с абсолютно прямой спиной, покосилась на лезвие кинжала, торчащее из-под старых бумаг.

Никто не обязан был помогать ей. Никто, кроме сонбэ, что привёл её в этот Чосон, не нёс ответственности за жизнь Йонг, да и она никого не просила. Только Мун Нагиль, капитан целого войска, пообещал ей возвращение в родной мир, а теперь сидел напротив и смотрел на неё из-под полуопущенных век и, кажется, даже не дышал.

– То, что вы слышали... – начал он, и Йонг подалась к нему всем телом.

– Правда? Это правда?

Нагиль резко выдохнул, висящие под потолком амулеты зашевелились, будто в комнату проник ветер, зазвенел колокольчик с двумя камешками в углу над столом.

Йонг прикусила губу, чтобы не заплакать. Никакой истерики перед капитаном драконьего войска, только не сейчас, когда ей в спину дышит отнюдь не радужное будущее.

– К сожалению, правда, – ответил Нагиль. Йонг изумлённо возрилась на капитана: она думала, он станет всё отрицать.

– Что случилось, вы хотите выгнать меня? – спросила она. Нагиль покачал головой. – Ох, не пытайтесь даже... Я сама уйду, просто укажите мне дорогу до чёрной дыры, до этих ваших врат в Священный Город!

– Вы не сможете добраться до них самостоятельно, путь туда пролегает через северное нагорье, – Нагиль повысил голос, прерывая Йонг, она замерла и поджала губы. Обида засвербела в носу и в горле. – Простите, – добавил он чуть тише. – Ваше возвращение в Священный Город откладывается. Ненадолго.

Йонг нахмурилась, стиснула складки чогири, почти закрывающей полами её дрожащие колени.

– Почему?

Её отдадут японцам. Повесят в центре двора. Сделают из неё кисэн и заставят танцевать по вечерам перед уставшими воинами.

Даже если капитан защищал Йонг, у его воинов было иное мнение, и не все из них были так же добры и милостивы. Она забыла о людской подлости – и теперь поплатится за это жизнью или честью. Или и тем, и другим.

Нагиль, должно быть, высмотрел у неё в глазах зарождающуюся панику, потому что побледнел, приподнялся с места, задевая бумаги на столе перед собой – под ними сердито зазвенели клинки, и Йонг вздрогнула.

– Уверяю вас, мы не желаем вам зла, – сказал он, выдохнув это в лицо Йонг; пахло затхлым дымом, будто он курил. – Несмотря на слова Чунсока, в моём лагере никто не причинит вам вреда, это я могу гарантировать.

– Неужели? – слабо запротестовала Йонг. Нагиль уверенно кивнул.

– Даю слово.

Вновь задрезбужали развешанные по периметру комнаты амулеты. Йонг смотрела в лицо Нагилю и совсем ему не верила.

– Тогда почему я не могу вернуться домой? – спросила она шёпотом.

Нагиль сел обратно на свой стул и опустил голову.

– Потому что врата закрылись, – наконец ответил он. – Вы назвали их чёрной дырой, и сегодня утром она исчезла.

* * *

– Каждый раз Бездна открывает Глаз в разных местах. Их невозможно предугадать, но наша шаманка может сделать предположение, спросив совета у духов, и тогда мы...

– Остановитесь.

Йонг вскинула руку, прерывая Нагиля. Тот понимающе умолк, сидящий рядом с ним воин завозился на стуле, скованный не то простой неловкостью, не то виной за то, что помочь сейчас не может ничем. Хотя с чего бы ему рваться на помощь какой-то оборванке из другого мира...

Воина звали Вонбин, это он указал Йонг дорогу к капитану. Он выглядел моложе Нагиля и сильно моложе Чунсока и пришёл на зов своего командира, едва тот позвал. Рассерженный Чунсок исчез где-то на тренировочном поле позади капитанской казармы, и теперь до Йонг доносились скрип тетивы, свист рассекающих воздух стрел и глухой стук, с которым те впи-вались в мишень.

Йонг покосилась на Вонбина, отметила его краснеющие скулы. Ему и двадцати не было...

– Вонбин, да? Что-то, конечно, есть в тебе похожее²⁸, – произнесла Йонг, отвлекая себя от нарастающей волны паники, грозящей прорвать все заслоны внутри неё и затопить собой каждую клетку тела. Нагиль свёл брови к переносице, покосился на Вонбина и вновь обратил взгляд к Йонг. – Моя мама с ума сходит по Вонбину, но он чем старше, тем грубее становится, а мне больше нравятся актёры вроде Ли Минхо или... – она не договорила, почувствовав, как собирается во рту густая солёная слюна.

– Госпожа, – позвал её Нагиль, и Йонг не выдержала: вскинула голову, тут же захлёбываясь рыданием, которое сдерживала в себе с того самого сумасшедшего вечера. Глаза наполнились слезами, она всхлинула, вся задрожала, её согнуло над столом, и она заплакала, прижимая руки ко рту. Вместо плача из неё рвался кашель, хрип, Йонг схватилась за грудь, стискивая плотную ткань чужого чогори.

– К-капитан... – неуверенно начал Вонбин и был прерван.

Он и Нагиль вышли за дверь, капитан приказал Вонбину сторожить комнату, а рыдающей Йонг осторожно сказал: «Я найду способ вернуть вас домой, госпожа», – и ушёл. Йонг слышала его уверенные шаги в коротком коридоре, слышала, как он громогласно позвал Чунсока. И продолжала плакать, пока не стих шум за стенами казармы, а Чунсок, оставив стрельбу, не побежал на крик командира.

Когда от рыданий остались только сильные стоны, Йонг вытерла рукавом чогори глаза, размазала высохшие дорожки от слёз, чувствуя, как щиплет скулы. Весь ворот чогори намок, она с недовольством смяла его рукой и тут же бросила затею привести себя в порядок. Плевать. Кто на неё тут посмотрит, если и так все считают её сумасшедшей?

Чувствуя долгожданное облегчение и тяжесть в груди, Йонг осмотрелась. Вонбин, должно быть, караулил дверь, зато окно за капитанским столом было свободно, надо только распахнуть ставни. И кинжал под важными бумагами Мун Нагиля как раз сослужит Йонг хорошую службу.

Она вытянула лезвие и медленно поднялась, поглядывая на дверь за спиной. «Надеюсь, в этот раз никакой Нагиль не ждёт меня под окнами своей же казармы», – подумала Йонг, осторожно выглядывая во двор сквозь щели в ставнях. В комнате было душно и задымлено, и неизвестно, отчего капитан не открывал окна настежь, чтобы дышать свежим воздухом, а не собственным потом и чужими пыльными руками.

²⁸ Южнокорейский актёр, звезда множества фильмов и секс-символ поколения ранних миллениалов.

«Вот и проветрится», – мстительно решила Йонг и аккуратно раздвинула ставни кончиком кинжала. Старые доски скрипнули, Йонг охнула, заглушая звук, затем воровато оглянулась. Вонбин за дверью шаркнул ногой; Йонг всхлипнула погромче, поубедительнее, и тот остановился. Отлично, пусть думает, что она всё ещё рыдает над своей бедной судьбой.

Первоначальное смущение, что её всё-таки вынудили плакать на глазах у чужих людей, сменилось внутренним торжеством: какими бы смелыми и умелыми ни были воины в Чосоне, на женские слёзы они реагировали точно так же, как любые мужчины любого времени – смущались и прятались, пока не минует буря.

Йонг вытащила себя из окна и вывалилась, бросив на землю кинжал. Одна сандалия зацепилась за крючок ставни и осталась висеть там красноречивым сигналом о побеге, но Йонг о ней не побеспокоилась.

Она встала, пригибаясь к стене казармы, кое-как отряхнула себя и подняла с земли кинжал. Ему нашлось место за поясом, хотя Йонг рассудила, что это не самое выгодное положение для холодного орудия, управляться с которым она не умела. На тренировочном поле было пусто, Йонг осмотрелась, прежде чем рвануть к стоящим метрах в пятидесяти от казармы мишеням – большим круглым крышкам от соломенных коробов, разрисованным краской.

Чунсок отлично стрелял: многие стрелы попали в яблочко, и этот факт ещё больше испугал бы Йонг, столкнусь она с ним прямо сейчас. Но того не было рядом, как не было и других воинов, и путь для неё был свободен. Она добежала до лагерной ограды, прячась за мишенями и кустарниками можжевельника, окружавшими двор. Куда дальше? В амбар, где её найдут если не через полчаса, то ближе к вечеру точно? Йонг присмотрела валун, осколок скалы, на которой стоял храм шаманки, и дождалась, когда на главном дворе гостевого дома громче заголосят люди.

Бег с передышками дался ей нелегко – сказывались и общая усталость, и отсутствие одной сандалии, и недосып, и вся эта безобразная ситуация не то с похищением, не то с проникновением в незнакомый мир. Йонг добралась до валуна, никем не замеченная, и присела рядом с ним, кашляя от сухой пыли, поднимающейся с земли. Над оградой по ту сторону росло дерево, его ветви спускались на территорию лагеря, и Йонг смогла, оперевшись о камень, достать руками до одной из них. Подтягиваться она не умела, а потому просто прыгнула, понадеявшись, что её сил хватит, чтобы вытащить тело за ограду.

Ветка опасно накренилась и захрустела, зашелестела листва, но Йонг, уповая на свою глупость, всё-таки вскарабкалась, упираясь ногами в ограду, на дерево. Доползла, жмурясь от колючих листьев, до ствола и упала прямо на землю. Ограда лагеря, высокая и неприступная, осталась у неё за спиной. Перед Йонг высился, взбираясь в гору, лес со знакомыми уже соснами.

Когда она осматривала местность у храма, то заметила уходящую вверх узкую тропу на северном склоне. Та вела, должно быть, к чёрной дыре: Нагиль и Дочери тоже ходили в ту сторону, а вернулись быстрее, чем Йонг успела заволноваться, – значит врата были не так далеко. Как она и предполагала.

Закрты они или нет, захлопнула ли Бездна свой Глаз или Нагиль всё-таки соврал ей – Йонг решила, что разберётся со всем самостоятельно. Остаться в лагере, где её окружали вероятные враги, было глупо. Йонг вытащила из-за пояса ворованный кинжал, прижала его к груди и пошла на север. *Спасибо за подсказку, капитан.*

Делая всего лишь первый шаг по намеченному маршруту, Йонг отчётливо осознавала: она понятия не имеет, как искать чёрную дыру, в какую сторону ей идти, если на тропе появится развилка, и приведёт ли эта тропа к нужному месту. Допустим, она неплохо ориентировалась на местности – в Пусане, где на каждом углу стояли указатели, направленные во все возможные стороны, где спросить дорогу можно было у любой старушки, а на безлюдных переулках выручал навигатор в телефоне и звонок другу. Здесь же не было ни привычных ука-

зателей, ни смартфона – тот остался в сумочке, которую Йонг обронила перед тем, как упасть следом за сонбэ в чёртову пропасть.

Ко всему прочему, хотелось есть и пить. И снова тихонечко плакать, чтобы не услышали никакие драконьи воины.

Ничего, подумала Йонг, она справится. Она уже улизнула от вездесущего Мун Нагиля и его Когтей, уже шла, стаптывая ногу в одном носоне, и уже решала сама за себя. Что было, в общем-то, неплохим началом.

Поскорее бы только её смелое приключение закончилось.

Когда солнце перекрасило небо в бледно-оранжевый, стало ясно, что Йонг заблудилась. Она шла по тропе, останавливаясь, чтобы перевести дух, и ощущала, как воздух становится плотнее и жарче, будто не поднималась выше по склону горы, а спускалась в долину. Йонг невольно вспомнила дракона и его опаляющее дыхание. Не мог же он быть где-то поблизости? Какой душой надо будет оказаться, чтобы сбежать из лагеря, полного людей, и попасть в лапы дракона!

Йонг считала минуты, сверялась с солнцем, все ниже опускающимся к горизонту, и понимала, что потратила куда больше пары часов, чем Нагиль, на поиск чёрной дыры. Что ей остаётся делать? Найти укрытие и заночевать прямо в горах, получив обморожение, простуду, чосонскую лихорадку в довесок к пробирающему до нутра голоду? Нет-нет-нет, она решила, что найдёт чёртовы ворота в родной мир за день, и она это сделает. В конце концов, собственное упрямство порой выручало её в безвыходных ситуациях в институте, спасёт и здесь.

Но как же хотелось есть!

Пейзаж перед Йонг не менялся – сосны, сосны и липы, перемежавшиеся кустарниками, и ведущая все выше тропа, то уходящая вбок, то снова выравнивающаяся, словно тот, кто вытаптывал её долгие годы, сомневался в верности выбранного направления через каждый шаг. Ногу без сандалии стёрло в кровь, и Йонг ступала по земле, не замечая, что оставляет следы. Она никогда не была хорошей спортсменкой, а скалолазание видела только по телевизору. Единственное, что внезапно спасало её сейчас, это плотная ткань ханбока – чогири и паджи, на которые она прежде мысленно ругалась, теперь не пропускали ни облепляющий тело к вечеру холод, ни пот, и она мёрзла не так сильно, как могла бы в своей прежней одежде. Оставалось рассчитывать на везение и молиться святым духам и всем богам, каких можно припомнить, чтобы они указали одной глупой беглянке верное направление.

У толстого дерева Йонг остановилась и села прямо на землю, упираясь лопатками в его могучие корни. Опёрлась затылком о ствол, прикрыла глаза. Болело всё тело, каждая его косточка. «Пять минут на отдых», – сказала себе Йонг и провалилась в тревожный сон.

Из полудрёмы её вырвал свист и топот нескольких пар ног, какой предвещал вечером ранее появление толпы японцев. Йонг вскочила, скользя по земле ногами, схватилась за кинжал. Голова кружилась, тело сковало холодом; было сумрачно, гору окутал туман, и солнце совсем село. С какой стороны идёт звук? Куда ей бежать? Еле оправившись ото сна, Йонг с трудом держалась прямо, и выше в гору её потянул инстинкт самосохранения, а не разумные мысли. Кто бы ни шумел в лесу, сталкиваться с ним Йонг не хотела, пусть эта встреча и сулила возможное спасение – или хотя бы тепло.

Она свернула с тропы и теперь карабкалась выше, цепляясь свободной рукой за корни деревьев и торчащие то тут, то там из земли шапки колючей травы. Кинжал не выпускала, хотя успела поранить лезвием ладонь и оставить на тыльной стороне неглубокий раздражающий порез. На тропе, которую Йонг покинула, раздались шаги, и чей-то голос произнёс:

– Дальше ничего нет, капитан.

– Скорее всего, она держится тропы, ищите дальше.

Йонг узнала Нагиля: он чеканил каждое слово таким тоном, будто перемалывал звуки у себя во рту, превращая их в стальную крошку.

Как её выследили? Йонг подумала об опыте воинов, о прозорливости их капитана, а потом остановилась на мысли о драконе: наверняка это чудовище, где бы ни пряталось, помогает людям, раз они с такой гордостью говорят о мистической силе, оберегающей их войско. Пожалуйста, пусть он не следит за ней сейчас, пусть позволит уйти подальше!

Йонг добралась до небольшого нагорья, где, помимо пучков травы, мелькали на склоне между камнями сухие кустарники с красными ягодами и редкие белые цветы, похожие на россыпь звёздочек под ногами. Она опёрлась спиной о ствол дерева, прижала руки к груди: сердце билось как сумасшедшее, выстукивая испуганный ритм, будто попавший в силки кролик рвался на свободу. Лишь бы её не заметили. Обратного к вражескому капитану с неясными целями она не вернётся.

Когда свист, вырвавший её из сна, повторился выше по склону, Йонг с облегчением выдохнула. Должно быть, сейчас Нагиль с воинами помчится дальше, и она сможет...

Резкий порыв ветра и ладонь, зажавшая ей рот, чуть не лишили Йонг последних сил. Она ударила не глядя, резанула по воздуху лезвием кинжала, попыталась вырваться из хватки чужих рук.

– Йонг! – зашипел ей прямо в ухо знакомый голос. – Сон Йонг, это я! Я!

Йонг повернула голову и выловила в зарождающемся лунном свете лицо Ким Рэвона, и рвано выдохнула.

– *С-сонбэ!*

Он опустил руку и тут же её обнял, так что Йонг охнула.

– Сон Йонг-щи! Наконец-то я тебя нашёл!

6

Пусан, Южная Корея,

2023 год, год Водяного Кролика

Йонг бежала от остановки к зданию института, считая не минуты – секунды. Если она опоздает второй раз за неделю, то выговора ей не избежать. Она не может так рисковать своим и без того шатким положением в команде: самая младшая сотрудница группы должна приходить раньше всех, оправдания для руководителя Пака из её уст не будут значить ничего. Тем более что оправдаться Йонг было нечем.

Простите, руководитель Пак, я изучала влияние полётов в варп-пузыре на организм вулканцев до поздней ночи и проспала будильник. Пак Че Бом-щи хватит удар, если она признается в подобном.

Йонг влетела в вестибюль института, столкнувшись в дверях с незнакомым парнем в потрёпанном костюме. Тоже опаздывает, решила она, и проскользнула мимо.

– Простите, сильно спешу! – поклонилась она на бегу, закинула ремень сумки с отчётами повыше на плечо и кинулась к турникету. Незнакомец догнал её, когда Йонг искала пропуск.

– Простите! – Он замер рядом с ней, Йонг бросила на него мимолётный взгляд. – Простите, вы не могли бы впустить меня?

– Что? – удивилась Йонг.

– Впустите меня тоже? – повторил незнакомец. – Мой пропуск ещё не готов, мне сказали, я смогу найти...

– Ох, молодой человек, вы *так* не вовремя! – рассердилась Йонг, повысив голос, и эхо от её возгласа разнеслось по всему вестибюлю. Йонг покраснела мгновенно. – Простите, я не хотела, я очень спешу.

Она прижала свой пропуск к считывателю, прошмыгнула через турникет после сигнала и понеслась к лифтам. Молодой человек остался стоять снаружи, собирая подозрительные взгляды проходящих мимо него сотрудников.

Лифт спускался с тринадцатого этажа со скоростью один метр в год. Йонг нервно посматривала на часы в телефоне, на медленно сменяющиеся цифры этажей на панели лифта, снова на часы. Остановивший её парень топтался перед турникетами и тоже нервничал. Йонг взглянула на него всего раз, прежде чем решиться на глупость.

Ладно, она тоже попадала в такую ситуацию, когда только устроилась сюда работать. Тяжёлый был испытательный период.

– Пойдёмте, только быстро, – попросила Йонг, впуская парня по своему пропуску. Он скользнул мимо турникета так, словно боялся, что тот его раздавит и съест.

– Благодарю! – выдохнул парень. Йонг вернулась к лифту вместе с ним и снова нервно забила ногой по полу.

Незнакомец смотрел на неё всё то время, что лифт спускался на первый этаж.

– Я слышал, в институт не попасть без личного пропуска, – сказал он наконец.

– Да, это так. И если вы меня обманули, у меня будут большие проблемы, – затараторила Йонг. – Так что сознайтесь в своём преступлении сразу, чтобы не подставлять меня.

– Что? Нет, я не мошенник! – парень рассмеялся, смех вышел нервным и рваным. – Сегодня первый день, как я здесь работаю.

Йонг позволила себе ещё один взгляд в его сторону. Взъерошенные волосы, влажные от воды, – дождь закончился пару минут назад, а он, должно быть, добирался сюда без зонта. Промокший насквозь костюм будто ему маловат, жмёт в плечах и натягивается на спине, хотя его обладатель худой, будто голодает. Нет, не голодает. Нервничает.

– Тяжело было попасть к нам? – спросила Йонг. Когда она устраивалась в институт, этапы собеседования были непростыми, она мало спала и плохо ела. Видимо, в этом году всё ещё хуже.

Парень чуть усмехнулся, губа нервно дёрнулась, будто жила своей собственной жизнью.

– Я перевёлся из столицы, – ответил он. Посмотрел на Йонг и улыбнулся шире. – Из Сеула.

*Омо*²⁹. Так он – тот самый новичок в отдел М-87, о котором сотрудники гудят всю неделю? Лифт известил о своём прибытии тихим сигналом, вырвав Йонг из растерянности; она шагнула в кабину вслед за парнем, продолжая смотреть на его затылок. Высокий, спину держит прямо и не горбится, как делают многие парни при таком росте.

Он дождался, когда Йонг нажмёт на кнопку своего этажа, затем ткнул в нужную ему цифру. Восьмой этаж. Так Йонг и знала, он действительно едет в М-87.

Она продолжала коситься на него, пока лифт вёз их, и новичок, не выдержав, повернулся к ней корпусом – и лицом. Красивый, отметила Йонг, чувствуя, что краснеет.

– Вы могли оставить меня внизу, но все же помогли, – заговорил он, глотая звуки. Интересный акцент, в столице теперь так говорят? Йонг вцепилась в ляжку своей сумки. Он улыбался так, будто видел её не впервые, и это смущало, даже если Йонг нервничала из-за своего опоздания больше.

– Лифт всё равно долго ехал, – пробормотала Йонг. – И вы, конечно, не сильно похожи на научного сотрудника, но выглядите безобидно. Вряд ли вы пришли сюда доставлять всем проблемы.

²⁹ Восклицание-междометие, что-то вроде «О мой бог!» (*корейск.*).

Новичок рассмеялся снова.

– Как знать, госпожа...

– Йонг, – спохватилась она после вынужденной паузы. – Сон Йонг.

– Дракон?

– Простите?

Он смотрел прямо на Йонг, с явным удивлением. Молчание затянулось, и Йонг опустила глаза на воротник его промокшей рубашки.

– А, – поняла она, – не *ёнг*. Йонг. Значит «смелость», а не «дракон».

Её собеседник выдохнул со смешком. Йонг не поняла его реакции, но он тут же пояснил:

– Простите. У вас красивое имя, а я просто равнодушен к драконам, вот и решил...

Только тогда Йонг неловко улыбнулась. Равнодушен к драконам, ну надо же...

– Ким Рэвон, – представился он с опозданием, протянул руку. Она пожала её осторожнее, чем обычно, приветствуя новых людей, и тут же укорила себя за робость. Ему было чему удивляться: сейчас Йонг совсем не соответствовала своему имени.

Лифт привёз их на пятый этаж, двери открылись, и Йонг вышла и тут же обернулась, чтобы попрощаться.

– Был рад встрече, Сон Йонг-щи, – сказал Ким Рэвон. – И спасибо за доверие.

Йонг поклонилась, а когда двери лифта отрезали её от нового сотрудника института, выдохнула с облегчением.

Ким Рэвон, её новый коллега. Красивый, как Ли До Хён³⁰. Поговаривают, ещё и умный: недаром весь М-87 обсуждал его кандидатуру с момента назначения.

Теперь стоит заглядывать к ним почаще, раз гений Ким Рэвон оказался таким симпатичным.

Тоннэ, Чосон, 1592 год,

год Водяного Дракона

Рэвон окинул Йонг встревоженным взглядом, провёл пальцами по царапине на лбу, схватил за порезанную ладонь. Йонг даже не дышала – была напугана, сбита с толку: внезапное облегчение обрушилось на неё лавиной, задавило панику и закупорило поры, даже руки вспотели.

– Сонбэ, – повторила она, и слово вылетело изо рта вместе со слабым облаком пара. Холод вечера отступил, хотя теплее не стало.

– Я искал тебя повсюду, Сон Йонг! – заговорил Ким Рэвон. – Знал, что найду недалеко от врат, но не понимал, в какой стороне, как далеко тебя унёс дракон. Что они с тобой сделали? Посмотри на меня. Дай взгляну.

Он вытащил из-за ворота своего кимоно платок и перевязал им рану на ладони Йонг, потом потянулся ко лбу.

– Не надо, – остановила она. – Все в порядке.

Нет. Ничего не было в порядке, и он это знал: выдохнул, опустил руки, оставив их на коленях Сон Йонг. Одетый в тот же наряд, какой Йонг на нём запомнила, с белой повязкой на лбу, сонбэ выглядел уставшим, но напоминал себя прежнего – та же тревога в глазах и те же знакомые прикосновения прямо сейчас успокаивали и дарили ощущение безопасности.

³⁰ Актёр из корейских дорам.

Призрачной, цветущей в глубине души, затянутой наслоениями из бесконечных переживаний этого долгого, выматывающего, *неправильного* дня.

– Я боялся, что не найду тебя здесь, думал... – Сонбэ поморщился, будто сама мысль вызвала отвращение. – Неважно, теперь это неважно, Сон Йонг. Ты жива.

– Они ничего мне не сделали, – мотнула головой Йонг. – Только...

Накормили. Дали одежду. Рассказали свою историю, поселили в ней неуверенность и заставили сомневаться в Ким Рэвоне, словно он был ей чужим человеком.

– Ты заберёшь меня отсюда? – спросила Йонг, теряя остатки самообладания. Хотелось кричать, но она шептала и дрожала от холода и страха. – Вернёмся домой, сонбэ?

– Да, – выдохнул он. – Да, конечно. Идём, Сон Йонг.

Рэвон встал, подал руку. Йонг схватилась за неё, решив, что больше ни за что не отпустит.

Стихающие вдалеке шаги воинов Нагиля больше не волновали её; она карабкалась в гору следом за сонбэ, тот помогал ей и удерживал от падения – и ничто теперь не имело значения, кроме этого пути в родной мир. Она вернётся в Пусан, к себе, оставит страхи в чужом Чосоне и не вспомнит о нём никогда в жизни, забудет, как о кошмаре.

На следующем ярусе горного склона Рэвон повернул налево, Йонг потянулась за ним, и рука об руку они прошли по ещё одной тропе, незаметнее прежней.

– Куда мы?...

– Отдохнуть, – ответил сонбэ, не оборачиваясь. – Осторожнее, тут скользко.

Где-то невдалеке протекал ручей – Йонг слышала журчание воды, огибающей камни, и думала, что Рэвон приведёт её туда. Умыться, сполоснуть руки и гудящие от долгой дороги ноги было бы в самый раз. Но молчаливый сонбэ прошёл мимо, и Йонг оказалась вместе с ним в спрятанной за деревьями долине: круглая, точно монета, вытопанная площадка встретила их неприметными домиками с соломенными крышами.

В крохотных тусклых окнах горел свет, вокруг сновали одетые в кимоно люди.

– Где мы? – оторопела Йонг, отнимая руку у сонбэ. Тот повернулся с улыбкой, в которой читалось извинение.

– Это деревня травников, – сказал он. – Тут жили крестьяне, собирали травы для продажи в городе. Сейчас мы заняли их дома, поскольку никого не осталось.

– Мы? – нахмурилась Йонг. – Ты и японские самураи?

Сонбэ кивнул.

– Они не совсем самураи, Сон Йонг... – начал он. Йонг привлёк знакомый уже звон (так меч вонзался в дерево, и она дёрнулась от резкого звука. – Они асигару. По сути, такие же крестьяне, только...

– С мечами и вилами, – договорила за него Йонг, присматриваясь к человеку, который махал вилами перед ближним домом. Острые, такие запросто проткнули тело.

Почему сонбэ привёл её к японцам?...

Догадка, замаячившая на горизонте пульсирующим светом, стала противна Йонг до тошноты. Она вновь обратила внимание на сонбэ и наткнулась на его ласковый взгляд, сулящий желанную заботу.

– Тебе надо согреться, хубэ, поесть. Пойдём в дом, там теплее.

Они прошли мимо нескольких асигару, Рэвон бросил им пару коротких рычащих слов и распахнул для Йонг дверь одного из домов. Она подчинилась, зашла внутрь и тут же зажмурилась от пламени, горящего в печи в дальнем углу тесной комнаты.

Здесь было жарко. Натоленный дом окутывал Йонг теплом, в котором её тут же разморило, едва она села на лавку и упёрлась локтями в стол. Под потолком висели пучки сухих трав, на стенах были развешаны силки, серпы и недоделанные каркасы плетёных корзин. Пахло дымом, полыньёю, обсыхающими на огне тряпками, и поверх этого смрада оглушающе звучал аромат жареного мяса.

Йонг прикусила дрожащую губу, чувствуя, как в уголках глаз собираются слёзы.

– Я принесу воды, – опомнился Рэвон и кивнул оставшемуся с Йонг японцу. Тот крутил на вертеле тушку какого-то зверя и косился в её сторону, хмуря брови и бросая в воздух похожие на ругательства фразы.

Йонг на него не смотрела и, когда сонбэ вернулся с деревянной кадкой, потеряла к незнакомцу интерес.

Вода была совсем ледяной, Йонг поморщилась, едва коснувшись её. Рэвон потянулся к ней через стол.

– Я помогу, – сказал он. Асигару, невольно наблюдающий за ними, сплюнул на пол и – теперь-то уж точно! – выругался.

Рэвон бросил ему в ответ что-то сердитое. Асигару поднялся с утоптанной земли, схватил вилы и покинул дом, оставив Йонг наедине с сонбэ.

Он обмакивал в воде тряпку и вытирал её руки, сосредоточенно водил по ноющим запястьям, а вдоль пореза на ладони провёл пальцами – очень аккуратно, боясь причинить боль. Ладонь не жгло – болело всё тело, каждая мышца в нём, каждая жила и кость, и все внутренности стягивало узлом, так что трудно было дышать. Йонг не могла расслабиться, выныривала из удушающей её жары и хватала ртом воздух, когда сонбэ отклонялся, чтобы сполоснуть тряпку.

– Почему ты с ними, сонбэ? – набравшись смелости, тихо спросила Йонг. Рэвон замер, отодвинулся от неё. – Почему ты ходишь с японскими воинами, почему говоришь на их языке, почему отдаёшь им приказы?

– Ты, верно, проголодалась, – будто вспомнил он и вместо ответа встал, чтобы снять с огня готовое мясо. Йонг следила за Рэвоном всё то время, пока он разделял звериную тушку на небольшие куски, всё время, пока орудовал не пойми откуда взявшимся коротким ножом, всё то время, пока молчал и ждал, вероятно, что Йонг отвлечётся от вопросов.

– Поешь, – сказал он, придвигая к ней миску с жареной дичью. От еды пахло божественно, аромат сулил Йонг самый вкусный ужин в жизни. Йонг сглотнула мгновенно заполнившую рот слюну, но трогать угощение не стала.

– Почему ты ходишь с японцами, сонбэ? – повторила она твёрже. Голос сорвался и зазвенел, уносясь под потолок вместе с дымом от затухающего пламени. – Мне сказали, ты служишь японскому генералу.

– Кто? – спросил Рэвон уничтожающим робость Йонг тоном. Словно меч разрубил молодую осину, едва давшую первые ростки по весне.

Йонг вдруг поняла, что отвечать не хочет.

– Мун Нагиль и его верные подданные? – уточнил Рэвон. – Дракон ведь принёс тебя в стан *капитана*.

Йонг не нашла сил хмуриться и как-то возражать, только отодвинулась от сонбэ и еды, пахнувшей всеми наслаждениями кулинарного мира.

– Ты знаешь Нагиля, – просто сказала Йонг. Рэвон не стал отрицать.

– Знаю, – подтвердил он, – хорошо знаю, Сон Йонг. И верить ему нельзя.

– Он то же самое говорил о тебе.

Рэвон не ответил. Смотрел на Йонг в упор, положив руку на разделочный нож. Тот лёг в ладонь, блеснул в ускользящем свете огня печи. Когда молчание между сонбэ и Йонг натянулось, точно тетива лука, она поморщилась – стрела её сомнения соскочила с тетивы и попала прямо в Рэвона.

– Нагиль не тот, за кого себя выдаёт, Сон Йонг, – сказал наконец он. Йонг почувствовала, как жжёт в горле от обиды.

– Почему ты винишь его, а не оправдываешь себя? Сонбэ!.. – Она почти вскрикнула, встала с лавки, возвышаясь над Рэвоном, опустившим взгляд на свои руки. – Скажи, что всё это

неправда, что ты на самом деле никому не служишь и сюда попал по ошибке! Давай вернёмся домой, Ким Рэвон!

Он покачал головой, и это простое действие вызвало в Йонг столько эмоций сразу, словно те, сдерживаемые плотиной прежних знаний о сонбэ, прорвались наконец-то и выплеснулись в иссушённое страхами русло.

– Мне жаль, хубэ.

– Нет...

– Мой дом – здесь. *В этом мире.*

Йонг вырвалась из дома и побежала мимо ожидавших приказов Рэвона асигару, мимо других домов, в которых потухали огни, мимо стогов заготовленного к просушке сена и амбара, из которого тянуло слабым запахом тухлого мяса. Остановилась у обрыва, которым оканчивалась долина травников, замерла, всматриваясь в темноту, опустившуюся на гору, густой лес и блестящий вдали водоём. Море, то было море, кажется. Значит, она недалеко от порта. Значит, и чёрная дыра где-то рядом.

Холодный ветер трепал её грязные волосы, высушивал текущие по лицу слёзы, превращая их в льдинки, примерзающие к щекам. Желудок прилип к позвоночнику, так сильно хотелось есть, но ещё больше – бить Рэвона, кричать, просить взять все слова обратно и пообещать вернуть её в родной город к родителям.

Она до последнего надеялась, что Рэвон зло шутит. С какой лёгкостью она поверила бы, скажи он, что разыграл её, но теперь понял свою ошибку и собирается отвести её к чёрной дыре и забрать в Пусан! Только никто и никуда отводить её не собирался.

Дура. Какая ты дура, Сон Йонг.

– Йонг! – звал её Рэвон. – Сон Йонг-хубэ, вернись!

Он подошёл к ней, и Йонг инстинктивно дёрнулась в сторону.

– Пошёл ты! – бросила она. Этот гневный выпад на миг ошарашил Рэвона, рука, потянувшаяся к ней, дрогнула.

– Сон Йонг, я не причиню тебе зла, – произнёс он.

– Неужели? Как все твои асигару? Как дракон? – вскрикнула Йонг. – Как твой японский генерал? Нет уж, оставь меня.

Асигару, до этого занимавшиеся своими делами, теперь выпрямились и смотрели на неё – кто насторожённо, кто неодобрительно, будто само её поведение вызывало в них тревогу напополам с пренебрежением. Йонг заметила взгляд самого ближайшего к себе человека: он перекинул вилы из одной руки в другую, будто вот-вот намеревался пустить их в ход. Тепло, наступившее Йонг в доме, испарилось так же быстро, как надежда, что она вернётся домой вместе с сонбэ.

– Я ухожу, – сказала Йонг, даже не поворачиваясь к Рэвону. И потому не заметила, что за тревогой он спрятал незнакомую ей злость.

– Куда ты пойдёшь? Лес тебе не знаком, тут столько опасностей...

Словно подтверждая его слова, на дальней стороне долины зашелестела листва, раздались приглушённые крики и послышался топот: из-за деревьев показались тёмные силуэты, заблестели в лунном свете, точно холодные искры, обнажённые лезвия мечей.

– *Драконова оспа!* – выдохнул Ким Рэвон и дёрнул Йонг за руку: – Сон Йонг, тебе лучше спрятаться!

Она и без подсказок понимала, что лучше ей не встречаться с другими охотниками по её душу; она кинулась к амбару с мясом, пока асигару вставали вокруг Рэвона кольцом и что-то кричали. Несколько человек скрылись за домами, оттуда слышался шорох и лёгкий звон – так бились друг о друга кинжалы, или наконечники стрел, или...

Тяжёлая дверь амбара была приоткрыта, и Йонг скользнула в щель, попадая в абсолютную темноту. Сладковатый запах протухшего мяса и отчего-то железа сразу же забился ей в нос, она зажала рукой рот и присела у двери, чтобы видеть, что происходит снаружи. Там разворачивалась настоящая сцена из драмы: к асигару приблизились несколько воинов драконьего войска, Нагиль вышел к Рэвону и заговорил, чеканя каждое слово.

– Давно не виделись, Ким Рэвон.

Рэвон издал странный звук – так вырывался воздух сквозь стиснутые зубы.

– Мун Нагиль. Какими судьбами?

– Ты знаешь.

– Нет, – усмехнулся Рэвон. – Просвети, раз уж пожаловал ко мне без приглашения.

Воины Нагиля встали вокруг него полукругом, зажимая асигару между собой и обрывом, но тех было больше: из домов выходили ещё люди, заполняли долину, кто-то держал в руках настоящие мечи, кто-то угрожал нежданным гостям самодельными факелами на длинных палках.

– Как ты нашёл меня? – спросил Рэвон. – *Почуял?*

– Мне подсказали, – ответил тот.

– Тс-с. Не стоило отпускать этих женщин так скоро.

– Где *юджон-ёнг*? – оборвал Нагиль.

Ким Рэвон осмотрелся, картинно разводя руками.

– Не понимаю, о чём ты. Ты отвлёк меня от ужина, а теперь требуешь выдать человека с неба.

– Она пришла сюда – по собственной воле или пленённой, – Нагиль повысил голос, воздух вокруг него словно задрожал, и факелы в руках асигару заморгали, поддаваясь внезапному порыву ветра. – Где она, что ты с ней сделал?

– Ты хоть знаешь, как её зовут? – спросил вдруг Рэвон, кривая усмешка разрешила его лицо на две неравные части. Нагиль выпрямился – будто разом похолодел. – Не знаешь, верно? Да и зачем тебе, они все для тебя безликие пустышки. Как звали юношу, которого ты выкрал у нас? Что с ним случилось?

– Капитан, прикажите мне перерезать ему горло, – попросил стоящий рядом с Нагилем Чунсок и щёлкнул мечом в ножнах. Йонг испуганно охнула, её стон потянулся к напряжённым воинам и достиг слуха драконьего командира – тот покосился в сторону амбара, но не двинулся с места.

– Такой дерзкий! – воскликнул, несколько не заволновавшись, Рэвон. – Нагиль, тебе стоит внимательнее следить за своими людьми.

Йонг отползла от дверей подальше, чтобы её не заметили, зашарила руками по мёрзлой земле. Найдётся же здесь что-то, что она сможет использовать в качестве защиты? Те же вилы или нож для нарезки мяса – или, на худой конец, горшки, которыми можно кидаться в людей... Но пальцы хватали только пустоту, а раздражающий запах мешал думать.

– Отдай её, Рэвон, – сказал Нагиль. – Она должна вернуться домой, а не становиться разменной монетой в чужой войне.

Рэвон сделал шаг в сторону, потом в другую. Казалось, за стеной из асигару он чувствовал себя в безопасности, словно понимал, что Нагиль и его опытные воины не смогут одолеть кучку крестьян. Должно быть, те в самом деле получили свои шрамы на лицах и шеях в бою, а не возделывая пшеницу.

– Думаю, она сама вправе решать, что ей делать, – ответил, наконец, Ким Рэвон. Йонг услышала это и рассердилась – злость накрыла её страх невесомой пеленой и проникла в сердце. – Кажется, твои речи ей тоже не понравились, раз она сбежала из вашего плена.

– Она не была в плену, – возразил Нагиль.

– Но и здесь её насильно никто не держит! – вспыхнул Рэвон. – Поищи в лесу, возможно, она не успела уйти далеко от твоего лагеря в Золотых Горах. Что? – добавил он. – Думал, я не пойму, что ты и твои воины скрываетесь прямо под носом Феникса?

Чунсок заволновался, переступил с ноги на ногу. Остальные тоже выглядели если не потрясёнными, то обеспокоенными, по рядам воинов пробежал еле слышный ропот. Нагиль остался неподвижен.

– Мы скоро уйдём, – выдохнул он. – Советую и тебе покинуть эти земли и вернуться к Тоётоми.

– Спасибо за предложение, – оскалился Рэвон. – Но я дождусь генерала здесь. Прекрасное место, чтобы приглядывать за *драконом*.

– Капитан, – нетерпеливо позвал Чунсок.

– *Науйо*³¹, – ответил ему Нагиль. Затем обратил внимание на асигару позади своего войска – те подступали всё ближе, и такое положение не было выгодным для его воинов.

Йонг отчаялась найти в амбаре хоть что-то приличное или хотя бы тяжёлое и теперь медленно осматривала стены в поисках другого выхода. Пока эти двое разбираются между собой, она могла бы выскользнуть через вторую дверь или окно и сбежать от обоих. Привыкшие к темноте глаза не находили ничего подобного, зато в дальней части амбара высилась куча – не то сено, не то сваленное прямо на земле мясо, негодное к употреблению. На свой страх и риск Йонг поползла туда, пытаясь дышать через рот: смрад был таким нестерпимым, что слезились глаза.

– Врата закрылись, ты ведь знаешь? – звучал голос Рэвона снаружи. Йонг мысленно выругалась в который раз, кляня себя за доверчивость. – У неё ведь вся одежда исчезла, так? Понравилось смотреть на *мою девушку*?

Его слова не принесли должной реакции, и Йонг, краснея, поблагодарила всех за сдержанность: сейчас её отношения с сонбэ казались ненужным пятном на и без того испорченной репутации – хватило инцидента с растворяющейся блузкой и истерикой в казарме капитана.

Йонг настроилась на поиски выхода и не услышала приближающихся к амбару шагов – но вот дверь за её спиной распахнулась с резким визгом, свет с улицы залил землю и ту кучу, к которой она ползла, и оказалось, что это не сено и не тухлое мясо.

Тут были *тела*, много тел. Сладкий запах исходил от окровавленной одежды на мёртвых крестьянах с опухшими лицами и искалеченными руками и ногами. На Йонг смотрели запавшие глаза молодого парня, не старше её самой.

– Капитан! – позвал человек у дверей. – Я нашёл её!

И Йонг закричала в голос. Откуда-то нашлись в теле силы: она вскочила и бросилась к выходу, отталкивая стоящего там воина, бросилась в самую гущу столпившихся у обрыва людей. Те невольно расступились, Йонг запнулась и упала в ноги Нагилю, и тот тут же присел, хватая её под руки.

– Госпожа...

– Сон Йонг! – вскрикнул Рэвон, прерывая её панику. – Это не то, что ты...

Её колотило, перед глазами стояли бледные лица мёртвых людей, руки и ноги, переплетённые в странных позах, словно узлы недоделанных корзин из человеческих тел.

– Там люди, – задыхалась Йонг. – Мёртвые люди, много людей, их убили, они мертвы!..

Нагиль кивнул Чунсоку, и тот вытащил меч из ножен, а стоящий у амбара воин зашёл внутрь, не преследуемый асигару или Рэвоном. Раздались его шаркающие шаги, потом наружу донёсся крик:

– Здесь крестьяне, капитан! – Воин вышел и посмотрел на Рэвона со злостью. – Вы убили всю деревню? Изверги!

³¹ Нет (*драконий язык*).

– Они не хотели уходить! – Тот запаниковал, опустил взгляд к Йонг и замотал головой. – Это было ненамеренно, Сон Йонг, поверь.

– Они все мертвы! – вскричала Йонг, пальцы непроизвольно сомкнулись на горячих запястьях Нагиля. – Столько людей, столько крови!..

– Я не желал им смерти, – возразил Рэвон. Асигару, которые по-корейски понимали через слово или не понимали вовсе, услышали в голосе своего командира незнакомые ноты и поморщились, повернулись к нему, отвлекаясь от вражеских воинов. Нагиль помог Йонг подняться с земли и придержал под руку, а затем обнажил меч, направив его на Рэвона.

– Вам лучше покинуть эту деревню, Ким Рэвон. Пока смертей не стало ещё больше.

Рэвон кивнул и тоже вытащил меч.

– Разумеется. Верни Сон Йонг-щи, и я уйду вместе со своими людьми.

Сквозь дрожь в теле Йонг почувствовала, как сжимается на её локте рука Нагиля. Она смотрела перед собой, слёзы размывали силуэты его воинов, асигару и Ким Рэвона, и сладкий запах – не мяса, а мёртвых тел! – путал мысли. Она даже не пыталась вырваться, едва держалась на ногах и страшилась сейчас каждого всполоха факелов и каждого движения окружавших её людей.

Рэвон смотрел прямо на Йонг.

– Сон Йонг, – сказал он, чуть опуская меч, – пойдём со мной. *Пожалуйста.*

– Ты убил крестьян, сонбэ, – просипела Йонг, дёрнулась от звука его голоса и отодвинулась, прячась за плечом Нагиля. Рэвон изменился в лице, глаза заслонило холодной злостью.

– Как и они! – не выдержал он, указывая на Нагиля. – Как и все они! Что они сказали тебе, Сон Йонг-щи? Что мы таскаем людей из Священного Города, чтобы убивать их?

Чунсок скрипнул зубами. Йонг покосилась на него – он побледнел и пятился к ней, сжимая меч, – и почувствовала, как кружится голова, снова. Это от голода, отчаянно думала она, от недосыпа, а не от того, что паника стискивает нутро, лишая воздуха. Не от того, что она не чувствует земли под ногами от страха.

– Они убили всех, кого я привёл в этот мир! – прокричал Ким Рэвон, от его крика Йонг вздрогнула и схватилась за плечо Нагиля. Она ни разу не видела сонбэ таким – лицо покраснело, раздулись ноздри, глаза потемнели и стали почти чёрными: сейчас он походил на дракона, и Йонг бы поверила, скажи ей кто-то, что Ким Рэвон умеет обращаться в мифическое существо, если его как следует разозлить.

– Неправда, – протянул Чунсок, – вы вынудили нас!

– Неужели? – отрезал Рэвон, махнул рукой, и асигару вокруг него наставили вилы прямо на Чунсока, Нагиля и Йонг между ними. – Спроси у капитана драконьего войска, что он сделал – что они сделали? Что они сделали с предыдущим ханрю, а?

– Зачем тебе это, сонбэ? – сипло зашептала Йонг. – Зачем ты служишь японцам? Они пришли на чужую землю, это не их...

– Не их страна? – перебил Ким Рэвон. – Не их земля? Сон Йонг, ты ведь умная, ты знаешь историю. Разве ты ещё не поняла, что это не тот Чосон, о котором ты помнишь со школы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.